Сибирскій Архивъ

Журналъ исторіи, археологіи, географіи и этнографіи Сибири, Средней Азіи и Дальняго Востока.

ГОДЪ ИЗДАНІЯ II.

№ 5.

Май. 1913 годъ.

ИРКУТСКЪ.
Ирк. Эл.-тип. «Т-ва М. П. Окуневъ и К°».
1913.

Можетъ-ли Сибирь быть „прекрасной лѣтней резиденціей“ при условіи осуществленія прозкта К. Л. Райкера?

Нынѣшней зимой многія Сибирскія газеты облетѣло сенсаціонное сообщеніе, которое привожу дословно по читинской газетѣ „Думы Забайкалья“ (№ 483 отъ 8 ноября 1912 года).

Сибирь—лѣтняя резиденція.

„Бирж. Вѣд.“ знакомятъ съ грандіознымъ проектомъ извѣстнаго ученаго, изслѣдователя морскихъ глубинъ, Кароля Ливингстона Райкера, предлагающаго способъ, съ затратой всего двухсотъ милліоновъ долларовъ,—создать изъ Сибири лѣтнюю резиденцію, уничтожить весь ледъ въ Лабрадорѣ, подарить Шотландіи вѣчное лѣто, создать у береговъ Атлантическаго океана такой климатъ, какой господствуетъ въ настоящее время въ Южной Калифорніи и заставить растаять весь ледъ вокругъ полюса, а на самомъ полюсѣ разбить сады и парки. Все это можно сдѣлать въ два раза быстрѣе и дешевле, чѣмъ стоитъ сооруженіе Панамскаго канала.

Для этого нужно только построить песчаную банку въ двѣсти миль длиной къ востоку отъ Ньюфаундлэнда. Этимъ путемъ можно помѣшать холодному теченію Лабрадора, которое въ состояніи создать въ секунду двѣсти тысячъ тоннъ льда, соединяться съ Гольфштромомъ, теплота котораго равняется теплотѣ, развивающейся отъ сгоранія двухсотъ тысячъ тоннъ угля въ минуту. Посредствомъ этой банки холодное теченіе Лабрадора принуждено будетъ повернуть къ востоку и при своей встрѣчѣ съ Гольфштромомъ пройдетъ настолько низко подъ уровнемъ океана, что теплое теченіе окажется надъ нимъ. Теплый Гольфштромъ безпрепятственно будетъ итти къ сѣверу, а теченіе Лабрадора, идя на одну милю въ глубинѣ Атлантическаго океана, охладитъ область вокругъ экватора, между тѣмъ, какъ Гольфштрому понадобится всего три мѣсяца, чтобы растопить весь ледъ вокругъ сѣвернаго полюса

Все это звучитъ нѣсколько фантастически, но идея съ огромнымъ интересомъ обсуждается научными авторитета-

ми Америки и другихъ странъ, тѣмъ болѣе, что мистеръ Ливингстонъ Райкеръ разработалъ свой удивительный проектъ во всѣхъ подробностяхъ, а свои знанія и таланты не разъ доказывалъ практически.

Въ 1874 году онъ первый построилъ механическій большой холодильникъ и первый установилъ на пароходѣ «Кельтикъ» особые холодильники, въ которыхъ провизія доставлена была въ свѣжемъ видѣ изъ Америки въ Ливерпуль. Кромѣ того, имъ построено нѣсколько колоссальныхъ моловъ. Въ его книгѣ, только что на-дняхъ опубликованной подъ заголовкомъ «Сила и значеніе Гольфштрома», онъ подробно разсказываетъ, какимъ образомъ можно довести благодѣтельную теплоту этого теченія до полярныхъ морей.

Теченіе Гольфштрома, имѣющее въ ширину 40 миль и достигающее въ глубину 1,200 футовъ, обладаетъ температурой въ 28 градусовъ по Цельзію и можетъ быть сравнено съ струей горячей воды, которая въ своемъ стремленіи къ сѣверу согрѣваетъ все атлантическое побережье. Теченіе Лабрадора шириною въ 250 миль и глубиной въ 200 футъ выходитъ изъ сѣвернаго Ледовитаго океана съ температурой, находящейся на нулѣ. Возлѣ Грандъ Банки Лабрадоръ встрѣчается съ Гольфштромомъ и при этой встрѣчѣ лишаетъ его теплоты. Незначительная глубина Грандъ-Банки, у которой встрѣчаются теплыя и холодныя теченія, является главной причиной нейтрализаціи ихъ взаимныхъ вліяній.

Мистеръ Райкеръ предлагаетъ продолжить эту Банку къ сѣверу въ видѣ мола и, когда теченіе Лабрадора обогнетъ ее, то оно окажется на глубинѣ одной мили подъ поверхностью океана, и, такимъ образомъ, теплое теченіе можетъ безпрепятственно продолжать свой путь къ полярному кругу, неся съ собою теплоту, солнечный свѣтъ и плодородіе

Даже и въ настоящее время Гольфштромъ настолько еще обладаетъ теплотою въ сѣверной области, что оказываетъ свое благодѣтельное вліяніе на Британскіе острова, и безъ него Скандинавія была бы необитаемою страною, а въ Англіи ничего не родилось бы. Если же продолжить это теченіе дальше къ сѣверу, тогда на пути атлантическихъ пароходовъ не будутъ встрѣчаться ни ледяныя горы, ни туманы, и даже холодныя бури станутъ большою рѣдкостью Вся восточная и сѣверная Америка превратится въ земной рай. Вотъ нѣкоторые изъ результатовъ, которые ожидаетъ мистеръ Райкеръ отъ сооруженія своего мола. Между прочимъ, онъ думаетъ также, что мысъ Гаттераса вслѣдствіе ускореннаго теченія Гольфштрома исчезнетъ совершенно.

Благодаря тому, что ледъ на сѣверномъ полюсѣ весь растаетъ, центръ тяжести перемѣстится, и тогда въ Шотландіи воцарится вѣчное лѣто, а сѣверная Сибирь станетъ прекрасной лѣтней резиденціей, куда толпами устремятся туристы.

Все это похоже на Жюль-Верніаду, но авторитетъ мистера Райкера настолько значителенъ, что ему можно вѣрить на слово, заключаютъ свое сообщеніе «Бир. Вѣдомости».

Несмотря на всѣ принятыя мной мѣры, я никакъ не могъ достать брошюры К. Л. Райкера съ его любопытнымъ проэктомъ. Мнѣ хотѣлось болѣе детально познакомиться съ тѣми мѣстами проэкта, *которыя касаются нашей Сибири.*

Въ силу этого, мнѣ поневолѣ приходится отказаться отъ широкой критики всего проэкта и ограничиться лишь нѣсколькими замѣчаніями и при томъ большею частью принципіальнаго характера.

1. Прежде всего, безусловно слѣдуетъ согласиться, что географическое измѣненіе морскихъ теченій всегда сопровождается соотвѣтствующимъ измѣненіемъ климата омываемыхъ странъ. Это явленіе вполнѣ можно прослѣдить по *періодически измѣняющимся* теченіямъ въ Индѣйскомъ океанѣ. Недаромъ сейчасъ у насъ на тихоокеанскомъ побережьѣ ожидаютъ благопріятныхъ перемѣнъ въ климатѣ, вслѣдствіе того что теплое японское теченіе Куросиво, согласно даннымъ спеціальныхъ гидротехническихъ изслѣдованій, приблизилось къ сибирскимъ берегамъ на 150 миль. Японскіе метеорологи уже отмѣтили нѣкоторыя климатическія „отклоненія“ на Японскихъ островахъ въ связи съ этимъ измѣненіемъ курса „благодѣтельнаго“ Куросиво. Газета „Пріамурье“ надѣется, что скоро климатъ на всемъ тихоокеанскомъ побережьѣ Россіи сдѣлается менѣе суровымъ, вслѣдствіе чего явится возможность улучшить мѣстное сельское хозяйство, да кромѣ того, возможно, что Россія будетъ имѣть на Дальнемъ Востокѣ незамерзающіе порты.

По наблюденію Геллланда—Ганзена и Нансена, въ Гольфштромѣ у Лофоденскихъ острововъ и въ Баренцовомъ морѣ температура воды *періодически измѣняется*, что неизмѣнно влечетъ крупныя климатическія измѣненія на сѣверѣ Европы, напр. всѣмъ памятно особенно холодное лѣто 1900 года съ его неурожайностью, слабымъ ростомъ древесной растительности и необыкновенно плохимъ уловомъ трески. Правда, явленіе это еще не вполнѣ изучено, но все же оно характерно для нашей цѣли.

Если бы К. Л. Райкеру удалось географически и температурно измѣнить Гольфштромъ, то понятное дѣло, что это сразу бы отразилось на всемъ сѣверномъ полушаріи.

2. Проэкъ американскаго инженера относится къ водамъ Атлантическаго океана. Нужно сказать, что этотъ океанъ *наиболье* изученъ по сравненію съ другими океанами. На-

чиная съ извѣстнаго Мори (половина XIX в.) и до настоящаго времени идетъ безпрерывное обслѣдованіе этого важнаго для Евровы и Америки океана. На ряду съ частною предпріимчивостью снаряжаются обществами и государствами спеціальныя экспедиціи съ тѣми или другими опредѣленными задачами. Въ особенности изучена субтропическая область сѣвернаго полушарія.

Ужъ если гдѣ и можно попытаться осуществить такой грандіозный проэктъ м-ра Райкера, то единственно въ Атлантическомъ океанѣ, какъ наиболѣе изученномъ, гдѣ, слѣдовательно, можно работать болѣе или менѣе не впотьмахъ.

Что касается собственно теченія Гольфштромъ, то и оно, какъ чрезвычайный факторъ въ жизни народовъ Стараго и Новаго Свѣта, издавна привлекало къ себѣ вниманіе ученаго міра. Во всякомъ случаѣ, это теченіе наиболѣе детально обслѣдовано по сравненію съ другими—все равно: будутъ ли это теченія холодныя или теплыя.

3. Помимо этихъ, такъ сказать, благопріятныхъ обстоятельствъ, существуетъ еще много условій, которыя болѣе, чѣмъ сильно, говорятъ противъ возможности осуществленія заманчиваго предпріятія.

Указаніе на то, что „авторитетъ мистера Райкера настолько значителенъ, что ему можно вѣрить на слово“,—еще ничего не доказываетъ. И авторитеты ошибаются. Отъ постройки большого механическаго холодильника и нѣсколькихъ колоссальныхъ моловъ до географическаго измѣненія теплаго теченія Гольфштрома и двухъ холодныхъ-Лабрадорскаго и Восточнаго—Гренландскаго,—дистанція огромнаго размѣра.

Другое дѣло, если бы мистеръ Райкеръ имѣлъ собственный опытъ по содержанію предлагаемаго имъ проэкта. Да такихъ опытовъ *до сихъ поръ никѣмъ не производилось*. Слѣдовательно, это пока будетъ игра *въ темную*, безъ предварительныхъ экспериментовъ. Какъ часто бываетъ, что теоретическія выкладки не оправдываются на практикѣ! За примѣрами недалеко ходить: стоитъ только припомнить извѣстное громкое дѣло г. Татаринова съ его летательнымъ аппаратомъ. Со своими теоретическими планами, чертежами и выкладками онъ ознакомилъ нѣсколькихъ „извѣстныхъ спеціалистовъ“; тѣ вполнѣ подвердили „возможность и осуществимость“ вновь изобрѣтеннаго аппарата. Вслѣдствіе этого г. Татариновъ получилъ даже субсидію для постройки болѣе или менѣе значительной модели. Въ прессѣ строились всевозможныя радужныя надежды, то и дѣло печатались бесѣды съ авторомъ изобрѣтенія и давались бюллетени о хо-

дѣ работъ. Какъ извѣстно, 10 тыс. рублей было убито и вся теорія разбилась о суровую дѣйствительность....

Такимъ образомъ, одно имя, хотя бы и авторитетное, а также и теоретическія соображенія еще не могутъ служить серьезными доказательствами того, что проэктъ м. Райкера осуществимъ и повлечетъ тѣ послѣдствія, на которыя разсчитанъ.

4. Что собственно предполагаетъ сдѣлать м. Райкеръ?

Уничтожить вліяніе холоднаго Лабрадорскаго теченія.

Теченіе это, надо сказать, не совсѣмъ обслѣдовано; идетъ оно изъ Баффинова пролива и усиливается многочисленными притоками изъ арктическаго архипелага Сѣверной Америки. Обойдя островъ Ньюфаундлендъ съ восточной стороны, Лабрадорское теченіе врѣзывается узкою струею между Гольфштромомъ и берегомъ Соединенныхъ Штатовъ и подъ именемъ *холоднаго вала* продолжается до встрѣчи съ Гольфштромомъ у мыса Гаттераса. Это именно теченіе несетъ айсберги, т. е. ледяныя горы, отъ одной изъ которыхъ погибъ несчастный пароходъ „Титаникъ“ 3 апрѣля 1912 года.

Температура Лабрадорскаго теченія очень низкая; на высотѣ Ньюфаундленда она зимой опускается ниже нуля, лѣтомъ поднимается до $+6^0$ по Цельзію.

Климатъ *восточной части Сѣверной Америки* почти до полуострова Флориды находится подъ вліяніемъ „холоднаго вала“. Нечего и говорить о томъ, что этому вліянію Сѣверная Америка обязана своимъ суровымъ климатомъ. Вѣчные туманы въ области соприкосновенія Лабрадорскаго теченія съ Гольфштромомъ, особенно у Ньюфаундленда, безжизненность полуострова Лабрадора, разрушительные ураганы, низкое паденіе температуры лѣтомъ до снѣговой включительно,—все это прямые или косвенные спутники теченія, идущаго изъ Баффинова пролива. Въ то время, какъ въ Европѣ на 70^0 с. ш. воздѣлывается рожь и ячмень, а въ Америкѣ въ этихъ широтахъ въ вѣчныхъ снѣгахъ и льдахъ нашла гибель экспедиція извѣстнаго американскаго ученаго и политическаго дѣятеля Франклина.

Цѣль проэкта м. Райкера и заключается въ томъ, чтобы уничтожить собственно не все Лабрадорское теченіе, а только „холодный валъ“. Устранить его можно лишь постройкой мола въ 200 миль длиной, начиная отъ Ньюфаундленда въ восточномъ направленіи.

Постройка мола облегчается тѣмъ обстоятельствомъ, что здѣсь какъ разъ находятся извѣстныя Ньюфаундлендскіе и Нантукетскія банки, т. е. мели. Вслѣдствіе этого для по-

стройки мола потребуется значительно меньшее количество матеріала для земляной насыпи.

Близъ этихъ банокъ Лабрадорское теченіе встрѣчается съ Гольфштромомъ и отклоняется къ западу, къ берегамъ С. Америки.

По проэкту м. Райкера выходитъ, что банки эти служатъ препятствіемъ того, что холодное Лабрадорское теченіе не скрывается подъ Гольфштромомъ на подобіе теченія Восточно-Гренландскаго. Дѣло въ томъ что *холодныя теченія, какъ болѣе плотныя и тяжелыя*, при встрѣчѣ съ теплыми, болѣе легкими, теченіями, обыкновенно, *погружаются подъ теплыя*. Если бы на мѣстѣ встрѣчи Лабрадорскаго теченія и Гольфштрома не было мелей, въ видѣ Ньюфаундлендскихъ и Нантукетскихъ банокъ, а была бы значительная глубина, то встрѣча эта закончилась бы тѣмъ, что холодное теченіе скрылось бы подъ теплымъ.

М. Райкеръ и предлагаетъ постройкой мола перенести мѣсто встрѣчи теченій съ банокъ на болѣе глубокое мѣсто, которое отстоитъ отъ Ньюфаундленда на 200 миль къ востоку.

Теперь допустимъ, что проэктъ м. Райкера приведенъ въ исполненіе, Лабрадорское теченіе скроется подъ Гольфштромомъ, «холодный валъ» исчезнетъ,—тогда что произойдетъ съ климатомъ С. Америки и съ температурой Гольфштрома? Несомнѣнно, отъ широтъ Ньюфаундленда и до Флориды климатъ измѣнится къ лучшему, сдѣлается мягче, безъ лѣтнихъ сюрпризовъ въ видѣ снѣга, флора будетъ богаче и роскошнѣе и т. д.

Но полуостровъ *Лабрадоръ по прежнему останется гиблымъ* краемъ, такъ какъ берега его по старому будутъ омываться холодными струями полярнаго теченія, холодъ котораго ничуть не уменьшится отъ того, что онъ тамъ, южнѣе, на высотѣ Ньюфаундлена, скроется подъ Гольфштромомъ.

Что касается температуры Гольфштрома, то она при осуществленіи проекта м. Райкера, во всякомъ случаѣ, если и измѣнится въ положительную сторону, то *лишь незначительно.*

„Холодный валъ“ на большомъ пространствѣ идетъ бокъ о—бокъ съ Гольфштромомъ. Границу между обоими теченіями можно хорошо различить даже простымъ глазомъ. Именно, воды Гольфштрома имѣютъ синій цвѣтъ, а воды полярнаго теченія,—свѣтлый сѣро-зеленый. На границѣ теченій часто замѣчаются водовороты и волны, даже при тихой погодѣ.

При такихъ условіяхъ, „холодный валъ“, несомнѣнно, понижаетъ температуру своего „теплаго сосѣда“. Но точно также несомнѣнно, что это пониженіе температуры незначительно.

Пониженіе температуры здѣсь будетъ происходить потому, что, вслѣдствіе различной плотности обоихъ теченій, частицы ихъ будутъ смѣшиваться: холодныя частицы устремятся въ воды Гольфштрома и, какъ болѣе тяжелыя, опустятся внизъ отъ поверхности на соотвѣтствующее разстояніе, а легкія частицы Гольфштрома устремятся поверхъ полярнаго теченія. Такимъ образомъ, разница въ температурѣ обоихъ теченій создаетъ своего рода *пограничное* теченіе въ перпендикулярномъ направленіи къ основнымъ теченіямъ. Пограничное теченіе тѣмъ сильнѣе, чѣмъ больше разница въ температурахъ сосѣдей.

Понятное дѣло, что пониженіе температуры Гольфштрома будетъ тѣмъ значительнѣе, чѣмъ сильнѣе пограничное теченіе.

Однако, по вычисленію Кроля, скорость пограничнаго теченія, даже при разности температуры въ 30° Цельзія, *ничтожна*. На высотѣ мыса Гаттераса годовая разница въ температурахъ Гольфштрома и Лабрадорскаго теченія не болѣе 18° Ц. Слѣдовательно, охлажденіе Гольфштрома отъ „холоднаго вала“ ни въ коемъ случаѣ не можетъ быть настолько серьезнымъ, чтобы рѣшить вопросъ о ледяномъ покровѣ сѣвернаго полушарія.

Правда, температура Гольфштрома постепенно понижается по мѣрѣ движенія на сѣверъ, но это происходитъ не отъ Лабрадорскаго теченія, а отъ общихъ гидрографическихъ и физико-метеорологическихъ условій сѣверныхъ широтъ. Такое пониженіе температуры было бы и въ томъ случаѣ, если бы не было „холоднаго вала“. Въ качествѣ примѣра можно указать на тотъ же Гольфштромъ, который отъ Багамскаго пролива до встрѣчи съ Лабрадорскимъ теченіемъ теряетъ въ температурѣ до 3° Ц.

Итакъ, осуществленіе проэкта м. Райкера можетъ повліять на смягченіе климата въ сѣверной Америкѣ къ югу отъ 50 параллели и *очень мало*, чтобы не сказать сильнѣе, можетъ повліять на повышеніе температуры Гольфштрома.

А разъ такъ, то не можетъ быть и рѣчи объ уничтоженіи полярныхъ льдовъ и о Сибири, какъ „прекрасной лѣтней резиденціи“ съ. пріѣзжими туристами.

Если въ Америкѣ и „шумятъ“ по поводу проэкта м. Райкера, то это еще понятно; для Америки данный проэктъ

все же не химера, хотя и тутъ дѣло не обходится безъ „блестящихъ“ иллюзій. И вотъ почему.

5. Проэктъ м. Райкера предполагаетъ, что *Лабрадорское теченіе при встрѣчѣ съ Гольфштромомъ* опустится книзу и *пройдетъ подъ нимъ по направленію къ экватору.*

До недавняго времени такъ и думали, что холодныя теченія всегда идутъ низомъ, а теплыя верхомъ, что *наоборотъ* не бываетъ.

Однако наблюденія послѣдняго времени показали, что дѣло обстоитъ далеко не такъ. Уже теоретически можно представить, что плотность теплыхъ теченій иногда бываетъ значительно больше холодныхъ; это происходитъ именно тогда, когда содержаніе солей въ водахъ теплыхъ теченій достигаетъ максимума, а въ полярныхъ теченіяхъ—минимума.

Гольфштромъ, берущій начало въ Мексиканскомъ заливѣ, подвергается здѣсь сильному испаренію; вслѣдствіе этого содержаніе солей въ водахъ его должно быть *значительнымъ*. Между тѣмъ, въ Лабрадорскомъ теченіи такого испаренія нѣтъ и, кромѣ того, таяніе снѣжныхъ и ледяныхъ покрововъ увеличиваетъ количество *пръсной* воды. Отсюда плотность полярныхъ и экваторіальныхъ водъ какъ бы уравновѣшивается, а иногда бываетъ, что перевѣсъ въ плотности падаетъ даже на теплыя воды.

При такихъ условіяхъ и при всемъ убожествѣ имѣющихся знаній о полярныхъ теченіяхъ, мнѣ кажется, нельзя категорически утверждать, что Лабрадорское теченіе при встрѣчѣ съ Гольфштромомъ необходимо пойдетъ цѣликомъ ко дну. Восточно-Гренландское теченіе, напр., только *частью* спускается подъ Гольфштромъ, а другая часть, довольно значительная, идетъ поверхъ теплаго теченія. Такъ называемый *паковый* ледъ (ледяныя поля) массами движется по Восточно-Гренландскому теченію и продолжаетъ свой путь *поверхъ Гольфштрома.* И только пройдя сотни верстъ, воды того и другого теченія *смѣшиваются и образуютъ массу одинаковой температуры.*

По имѣющимся даннымъ, можно сказать, что средняя плотность Восточно-Гренландскаго теченія будетъ на нѣсколько десятыхъ долей процента выше Лабрадорскаго. Вслѣдствіе этого погруженіе подъ Гольфштромъ Лабрадорскаго теченія можетъ ограничиться еще *меньшей частью,* чѣмъ это обстоитъ съ Восточно-Гренландскимъ теченіемъ.

Въ полярныхъ широтахъ, какъ показываютъ прошлогоднія наблюденія И. Ануфріева, капитана промысловаго судна „Николай“, замѣчается даже процессъ *смѣшенія* водъ Голь-

фштрома и холодныхъ теченій. Такимъ образомъ, если бы Гольфштромъ, даже съ болѣе высокой температурой, чѣмъ теперь, достигъ полярныхъ областей, то все равно здѣсь онъ „на плечахъ“ холодныхъ теченій не пошелъ бы къ полюсу, а потерялъ бы свои тепловыя свойства въ борьбѣ съ вѣчными льдами.

Словомъ, отъ уничтоженія „холоднаго вала“ на сѣверномъ полюсѣ и въ Сибири вѣчнаго лѣта не будетъ...

6. На пути Гольфштрома къ сѣверному полюсу и въ Сибирь (черезъ Маточкинъ шаръ, Карскія ворота и Вайгачъ), помимо Лабрадорскаго и Восточно-Гренландскаго теченій, существуютъ и другія холодныя теченія, напр., Шпицбергенское, теченія въ Карскомъ морѣ и др. Температура этихъ теченій не выше Лабрадорскаго, слѣдовательно, необходимо еще *уничтожить* и ихъ, чтобы дать Гольфштрому свободный доступъ въ высшія широты нашего полушарія. Объ этомъ въ проэктѣ м. Райкера ничего не говорится.

Въ частности для Сибири очагомъ холода, между прочимъ, служитъ Карское море, въ которомъ есть круговоротъ холодныхъ теченій, начало котораго даютъ рѣки Обь и Енисей. Вѣтви Гольфштрома достигаютъ проливовъ между материкомъ и оо. Вайгачемъ и Новой Землей, но далѣе проникнуть не могутъ, потому что встрѣчаютъ отпоръ въ холодныхъ теченіяхъ Карскаго моря. По измѣреніямъ капитана И. Ануфріева, Гольфштромъ у о. Матвѣева прошлымъ лѣтомъ имѣлъ температуру $+1,3^0$ по Реомюру, а противоположное холодное теченіе на томъ же меридіанѣ $+0,6^0$ Р. Въ Карскомъ морѣ И. Ануфріевъ уже не могъ прослѣдить струй экваторіальнаго теченія; температура воды всюду была очень низкой. Вслѣдствіе холодныхъ теченій, идущихъ съ сѣверовостока къ восточнымъ берегамъ оо. Вайгача и Новой Земли, Карское море часто въ лѣтніе мѣсяцы наполняется сплошнымъ паковымъ льдомъ. Въ это время сѣверо-западные вѣтры несутъ холодъ на азіатскій материкъ, совершенно открытый для дѣйствія вѣтровъ.

7. Я, конечно, не отрицаю того, что со временемъ человѣчество будетъ въ состояніи измѣнять климатъ по своему усмотрѣнію посредствомъ техническихъ сооруженій. Но для этого надо сперва хорошенько изучить тотъ матеріалъ, съ которымъ приходится имѣть дѣло. Сѣверныя полярныя страны въ этомъ отношеніи почти terra incognita. Поэтому нельзя не привѣтствовать снаряженіе новой ученой экспедиціи къ сѣверному полюсу и вообще въ сѣверныя полярныя воды. Во главѣ этой экспедиціи становится извѣстный изслѣ-

дователь, совершившій путешествіе къ южному полюсу, Роальдъ Амундсенъ. Задачи этой экспедиціи Р. Амундсенъ такъ опредѣляетъ въ недавно напечатанной въ журналѣ „The american Scandinavian Review" статьѣ подъ заглавіемъ „Сѣверный и южный полюсы - паровые котлы земного шара".

„Хотя сѣверный полюсъ уже и былъ открытъ,—говоритъ Амундсенъ.—тѣмъ не менѣе, я все же намѣренъ осуществить свои планы въ томъ видѣ, какъ я ихъ уже развивалъ въ 1908 году въ норвежскомъ географическомъ обществѣ. Опытъ, который мы получили во время нашихъ путешествій въ антарктическихъ областяхъ, можетъ намъ оказать очень незначительную пользу, а, можетъ быть, даже и никакой во время нашего путешествія къ сѣверному полюсу, такъ какъ отношенія и условія, въ которыхъ мы должны будемъ жить въ сѣверно-полярныхъ областяхъ, не имѣютъ ничего общаго съ тѣми условіями, въ какихъ находилась наша экспедиція у южнаго полюса. Изслѣдованіе сѣвернаго полюса такъ трудно, что путешествіе къ южному, по сравненію съ нимъ, можетъ быть названо пріятной прогулкой. Намъ придется, вѣроятно, употребить на изслѣдованіе около 5 лѣтъ и мы должны приготовиться пробыть въ арктическихъ областяхъ почти семь лѣтъ. Мы намѣрены изслѣдовать полярный бассейнъ отъ Берингова моря до сѣвернаго полюса. Мы знаемъ, что этотъ планъ весьма опасенъ и что насъ ожидаютъ многія страданія. Стоитъ-ли на это затрачивать такъ много энергіи? Мой отвѣтъ на этотъ вопросъ будетъ таковъ: для расширенія человѣческихъ знаній всегда стоитъ тратить свои силы и энергію Настало время, когда человѣкъ не можетъ быть покоенъ до тѣхъ поръ, пока совершенно не будетъ знать ту маленькую планету, на которой онъ живетъ. Мы не должны забывать, что за все то, чѣмъ мы теперь владѣемъ, мы должны быть благодарны терпѣливымъ изслѣдователямъ и людямъ науки. Безъ нихъ, вѣроятно, мы и теперь были бы еще принуждены убивать дикихъ животныхъ посредствомъ каменнаго оружія и ѣсть сырое мясо.

Въ широкихъ кругахъ общества имѣютъ очень неясное представленіе о значеніи полярныхъ областей для всей нашей природы. Иногда ученые справедливо называютъ сѣверный и южный полюсы двумя паровыми котлами земного шара. Если бы сила, которую развиваютъ полюсы, внезапно прекратилась. то вся дѣятельность на землѣ также прекратилась бы. Большинству людей будетъ совершенно нова мысль, что вся сила и вся жизнь на землѣ идетъ отъ замерзшихъ областей на полюсѣ, и, однако, это такъ. Вода въ твердомъ видѣ въ арктическихъ областяхъ оказываетъ давленіе на теплыя и болѣе легкія воды въ областяхъ экватора и этимъ вызываетъ океанскія теченія; то же мы наблюдаемъ и въ воздухѣ, гдѣ полярныя холодныя страны вызываютъ пассаты. Только въ по-

слѣднее время океанографическая наука насъ научила, что холодныя теченія отъ полюсовъ оказываютъ благодѣтельное вліяніе на жизнь растеній въ океанѣ: даютъ имъ новыя силы и обновляютъ ихъ. Жизнь рыбъ въ Атлантическомъ океанѣ зависитъ отъ той пищи, которую приносятъ теченія отъ дѣвственныхъ ледяныхъ горъ въ полярныхъ областяхъ. Отъ смѣшенія теплаго теченія, идущаго на сѣверъ, и холоднаго теченія, стремящагося на югъ, происходятъ условія, необходимыя для жизни растеній и рыбъ въ океанѣ. Если моя полярная экспедиція не дастъ никакихъ другихъ результатовъ, кромѣ точнаго изслѣдованія *полярныхъ теченій, ихъ направленія, быстроты и дѣйствія на жизнь животныхъ и растеній*, то и тогда результатъ экспедиціи можно будетъ назвать весьма полезнымъ.

Метеорологическія наблюденія также входятъ въ планъ нашихъ работъ. Въ этой области я работаю вмѣстѣ съ профессоромъ Гергезелемъ, который вполнѣ раздѣляетъ мои воззрѣнія. Я возьму съ собой аппараты для безпроволочнаго телеграфа, а Гергезель надѣется съ помощью своихъ друзей въ Германіи основать четыре, а можетъ быть и больше метеорологическихъ станцій, которыя будутъ распредѣлены такъ, чтобы окружить весь полярный бассейнъ (Аляска, Шпицбергенъ, Лабрадоръ, Сибирь). Съ этими станціями я буду поддерживать постоянныя сообщенія съ помощью безпроволочнаго телеграфа“.

Слѣдуетъ пожелать полнаго успѣха и всякаго благополучія этой новой экспедиціи неутомимаго изслѣдователя полярныхъ странъ.

А. Линьковъ.

Къ пребыванію Н. Г. Чернышевскаго въ Вилюйскѣ.

I.

ИНСТРУКЦІЯ

для наблюденія за государственнымъ преступникомъ Чернышевскимъ.

1.

Важность преступленій, совершенныхъ Чернышевскимъ, и значеніе, которымъ онъ пользуется въ средѣ сочувствующихъ ему поклонниковъ, вызываютъ со стороны правительства особыя мѣры для устраненія Чернышевскому возможности побѣга и отклоненія его вреднаго вліянія на общество.

Въ этихъ видахъ, для поселенія Чернышевскаго, по случаю окончанія опредѣленнаго ему срока каторжныхъ работъ, назначается отдаленное и уединенное мѣсто Якутской области, именно городъ Вилюйскъ, въ которомъ Чернышевскій долженъ помѣщаться въ томъ зданіи, гдѣ и раньше сего помѣщались важные преступники.

2.

По пріемѣ Чернышевскаго отъ Нерчинскаго коменданта слѣдуетъ обратить особенное вниманіе на снабженіе этого преступника вполнѣ теплою одеждою на дорогу, чтобы за недостаткомъ послѣдней не приходилось дѣлать въ пути частыхъ и продолжительныхъ остановокъ, которыхъ слѣдуетъ избѣгать.

3.

Чернышевскій долженъ быть доставленъ къ мѣсту назначенія на почтовыхъ лошадяхъ подъ конвоемъ двухъ жандармовъ и наблюденіемъ офицера.

Одинъ изъ конвоирующихъ его жандармовъ долженъ постоянно быть бдительнымъ и въ пути сидѣть на козлахъ, а во время остановокъ безотлучно находиться при преступникѣ; другой же сидѣть вмѣстѣ съ нимъ въ повозкѣ.

4.

Офицеру, назначенному для наблюденія, постоянно слѣдить за повозкой и во время остановокъ на станціяхъ помѣщаться въ одной съ Чернышевскимъ комнатѣ.

5.

Строго наблюдать, чтобы Чернышевскій ни съ кѣмъ изъ постороннихъ лицъ не имѣлъ сообщеній и не передавалъ имъ писемъ для доставки помимо установленнаго для сего порядка.

6.

Обходиться съ Чернышевскимъ кротко и вѣжливо, но въ случаѣ явнаго съ его стороны непослушанія дозволяется употреблять законныя мѣры для приведенія его къ повиновенію.

7.

Если во время дороги Чернышевскій захвораетъ, то стараться довезти его до мѣста, гдѣ ему можетъ быть оказана медицинская помощь. Въ этомъ случаѣ помѣщать Чернышевскаго не на станціи, а на особой квартирѣ, въ которую, кромѣ медика, никого не допускать, и при которой безотлучно находиться офицеру и по очереди жандармамъ.

8.

Посѣщеніе медика допускать не иначе, какъ въ присутствіи офицера, предложивъ первому о ходѣ болѣзни Чернышевскаго вести скорбный листъ.

9.

Въ пробздѣ до Иркутска въ случаѣ затрудненія испрашивать указаній по телеграфу, донося депешами о прибытіи въ Иркутскъ, Читу, Посольскъ.

10.

По прибытіи въ Якутскъ представить преступника губернатору и, получивъ отъ него наставленія, слѣдовать дальше.

11.

Въ Вилюйскѣ передать Чернышевскаго исправнику и, помѣстивъ затѣмъ въ указанномъ домѣ, наблюдать, чтобы Чернышевскій не выходилъ изъ своей квартиры безъ сопровожденія жандармскаго унтеръ-офицера; чтобы посторонніе лица посѣщали Чернышевскаго не иначе, какъ съ разрѣшенія уи-

теръ-офицера или исправника, чтобы въ ночное время одинъ изъ конвойныхъ, по очереди, постоянно наблюдалъ Чернышевскаго, не обращая на это его вниманія, и чтобы домъ въ продолженіе ночи былъ запертъ.

12.

Вся корреспонденція Чернышевскаго, какъ подлежащая надзору, не можетъ быть отправляема непосредственно имъ, а должна поступать чрезъ исправника на просмотръ къ губернатору.

Изъ писемъ, адресованныхъ на имя Чернышевскаго, выдаются ему только тѣ, кои, пройдя установленную цензуру, поступятъ въ оффиціальномъ порядкѣ.

13.

Въ случаѣ болѣзни пользовать Чернышевскаго на его квартирѣ чрезъ мѣстнаго врача.

14.

Для содержанія Чернышевскаго имѣетъ быть назначена особая денежная сумма, размѣръ коей долженъ быть представленъ мѣстнымъ исправникомъ сообразно съ цѣнами на предметы продовольствія.

Утвержденіе этихъ цѣнъ зависитъ отъ генералъ-губернатора.

15.

О поведеніи Чернышевскаго и его здоровьи доносить съ каждой почтой генералъ-губернатору и отъ него же получать разъясненія по всѣмъ случаямъ, настоящею инструкціею непредусмотрѣннымъ.

16.

Приставленный для постояннаго наблюденія за Чернышевскимъ жандармскій унтеръ-офицеръ долженъ жить въ одномъ съ нимъ домѣ и сопровождать его въ прогулкахъ и вообще при отлучкахъ изъ дома; но этотъ надзоръ онъ долженъ устроить незамѣтно, чтобы не раздражать Чернышевскаго и не придавать ему вида арестанта. Урядники даже обязаны исполнять распоряженія Чернышевскаго, но одинъ изъ нихъ долженъ быть всегда дома.

17.

Унтеръ-офицеръ при сопровожденіи Чернышевскаго можетъ быть въ партикулярной одеждѣ.

Подлинную подписалъ генералъ-губернаторъ *Синельниковъ*.

II.

Секретно.

АДЪЮТАНТА
ИРКУТСКАГО
ГУБЕРНСКАГО
Жандармскаго Управленія
Штабсъ-Капитана
ЗЕЙФЕРТЪ.

20 января 1872 года
№ 11.
г. Вилюйскъ
Якутской области.

Урядникамъ Якутскаго Казачьяго полка Льву Гатилову и Афанасію Попову.

Согласно предписанія генералъ-губернатора Восточной Сибири, препровожденнаго ко мнѣ при предписаніи начальника Иркутскаго Губернскаго Жандармскаго Управленія 14 ноября 1871 года, я независимо личныхъ наставленій предписываю Вамъ, во первыхъ, постоянно безотлучно одному по очереди оставаться въ домѣ при государственномъ преступникѣ Чернышевскомъ; а если не находится въ домѣ жандармскій унтеръ-офицеръ Ижевскій, то Вы обязаны оба быть въ домѣ, дождаться его возвращенія и только по приходѣ его одинъ изъ Васъ можетъ быть свободенъ.

2) Вести между собой очередь, кто дежурный по днямъ, передавая жандармскому унтеръ-офицеру объ этомъ.

3) Ночью поручаю очередному дежурному заходить въ комнату, гдѣ спитъ Чернышевскій, осторожно, всегда подъ предлогомъ того, если онъ обратитъ на это вниманіе, что будто бы Вы заходите убрать что нибудь или посмотрѣть за огнемъ, дѣлая видъ, что это случайно, такъ чтобы не подавать повода, что Вы заходите для наблюденія за нимъ ночью.

4) Лицъ, съ которыми Чернышевскій будетъ вести знакомство, и кто будетъ его навѣщать, конечно, только съ разрѣшенія исправника и жандармскаго унтеръ-офицера Ижевскаго, иначе его по-

сѣщать никто не можетъ, записывать фамилію этихъ знакомыхъ съ тѣмъ, чтобы жандармскій унтеръ-офицеръ Пжевскій и Вы всѣхъ знали, кто пожелаетъ, получивъ отъ вышесказанныхъ лицъ на знакомство и посѣщеніе квартиры Чернышевскаго разрѣшеніе на это.

5) Вы можете исполнять порученія Чернышевскаго, если онъ будетъ къ Вамъ обращаться для закупки мелкихъ принадлежностей съѣдомаго, и вообще быть съ нимъ въ обращеніи предупредительными и вѣжливыми.

6) Обращать особенное вниманіе на Чернышевскаго съ наступленіемъ лѣта, потому съ наступленіемъ теплой погоды Чернышевскій, вѣроятно, захочетъ дѣлать прогулки по городу; за городъ онъ выходить для гуляній не можетъ и потому прогулки въ лѣсъ и поле въ окрестностяхъ города Вилюйска дѣлать воспрещается; при прогулкахъ въ городѣ съ Чернышевскимъ обязанъ ходить гулять и въ гости, если онъ будетъ заходить, исключительно унтеръ-офицеръ Пжевскій.

Подлинную подписалъ Штабсъ-Капитанъ *Зейфертъ*.

III.

ПИСЬМО

Николая Гавріиловича Чернышевскаго на имя помощника Вилюйскаго окружнаго исправника А. Г. Кокшарскаго.

Милостивый Государь,
Александръ Гавріиловичъ!

Прошу Васъ передать Его Превосходительству г. Начальнику области мою покорнѣйшую просьбу къ нему, состоящую въ слѣдующемъ:

Я просилъ отправляющагося на ярмарку въ Якутскъ здѣшняго купца Лаврентія Алексѣевича Кондакова сдѣлать на ярмаркѣ нѣкоторыя покупки.

(Всѣ подробности этого порученія я излагаю въ письмѣ къ моимъ роднымъ, отправляемомъ съ настоящею почтою).

Если бы данныхъ мною Л. А. Кондакову денегъ оказалось недостаточно, для исполненія моего порученія, то имѣю честь покорнѣйше просить г. Начальника области о выдачѣ Л. А. Кондакову, въ зачетъ будущихъ моихъ полученій изъ казны, на мое содержаніе, денегъ, какія понадобятся г. Кондакову на исполненіе моего порученія ему.

Смѣю надѣяться, что если г. Начальникъ области найдетъ возможнымъ исполненіе этой моей покорнѣйшей просьбы къ нему, то не откажетъ мнѣ въ ней.

Прибавлю, что, принимая на себя мое порученіе, Л. А. Кондаковъ оказываетъ мнѣ совершенно безкорыстную услугу и что, имѣя полнѣйшее довѣріе къ его благородству въ денежныхъ счетахъ со мною, я впередъ, безусловнѣйшимъ образомъ, одобряю всѣ его дѣйствія по этому дѣлу.

Съ истиннымъ уваженіемъ и совершенною преданностію имѣю честь быть Вашимъ покорнѣйшимъ слугою Н. Чернышевскій.

Вилюйскъ, 2 іюля 1882 г.

IV.

По пріѣздѣ на службу въ Якутскую область завѣтной мечтой моей было добраться до архивовъ присутственныхъ мѣстъ, гдѣ могли сохраниться слѣды о пребываніи въ этомъ гибломъ краѣ Николая Гавріиловича Чернышевскаго.

Скоро сказка сказывается, да не скоро дѣло дѣлается.

Такъ какъ Николай Гавріиловичъ былъ заточенъ въ Вилюйскъ, то мнѣ казалось, что всѣ данныя о его пребываніи сосредоточены въ архивѣ этого города; но когда я обратился по этому поводу, то получилъ отвѣтъ, что дѣло о Николаѣ Гавріиловичѣ, по распоряженію областной администраціи, отослано въ г. Якутскъ.

Пришлось ждать, пока удалось попасть въ этотъ Якутскъ. Но и тутъ не скоро то удалось.

Я пошелъ по начальству, начиная съ архиваріуса, который направилъ меня къ младшему совѣтнику, тотъ къ старшему, заступавшему мѣсто вице-губернатора, а этотъ уже къ самому губернатору.

Г. губернаторъ высказался къ томъ смыслѣ, что въ данное время Николай Гавріиловичъ Чернышевскій представляетъ только историческій интересъ, что, слѣдовательно, напрасны въ этомъ отношеніи всякія опасенія, и что поэтому онъ немного даже удивленъ, почему мнѣ не разрѣшали пользоваться архивнымъ матеріаломъ.

Самое же извлеченіе необходимыхъ для меня архивныхъ данныхъ было обставлено такъ, что я долженъ былъ работать въ кабинетѣ вице-губернатора, оставлять извлеченное въ дѣлѣ ему на просмотръ и только послѣ этого я могъ унести его домой.

Кабинетъ вице-губернатора запирался на ключъ, который хранился у довѣреннаго лица въ видѣ вахмистра областного управленія. По распоряженію начальства, архиваріусъ принесъ дѣло изъ архива и положилъ его мнѣ на столъ, за которымъ я помѣщался.

Дѣло было огромное, на семи стахъ слишкомъ листахъ и носило такую кличку: „Дѣло по второй архивной описи № 96 Якутскаго Областного Управленія III Отдѣленія 1 стола о государственномъ преступникѣ Николаѣ Чернышевскомъ, началось 4 января 1879 года, кончилось 16 декабря 1886 года, на 770 листахъ".

Я не буду говорить о томъ волненіи, которое охватило меня, когда я сталъ бѣгло перелистывать это дѣло, и особенно когда я наткнулся на автографъ Николая Гавріиловича...

Когда я ознакомился съ этимъ дѣломъ детально, то оно произвело на меня впечатлѣніе чего то скомканнаго, кое-какъ подобраннаго, подшитаго, лишь бы только сформировать такъ называемое канцелярское дѣло.

Кромѣ того, оно началось 4 января 1879 года, между тѣмъ какъ Николай Гавріиловичъ прибылъ въ заточеніе въ январѣ 1872 года. Произошло это потому, что въ ночь съ 27-го на 28-е декабря 1879 года былъ пожаръ въ областномъ управленіи, истребившій дѣла, почему 5 января 1880 года было поручено Вилюйской полиціи доставить въ копіяхъ всѣ распоряженія о Николаѣ Гавріиловичѣ.

Разумѣется, рѣчь шла и полиція выполняла лишь тѣ бумаги, которыя сочла нужнымъ въ свое время написать ей о Николаѣ Гавріиловичѣ областная администрація.

Такимъ образомъ, дѣло о Николаѣ Гавріиловичѣ, начатое съ дня прибытія его въ заточеніе, надо считать погибшимъ въ пожарѣ областного управленія въ ночь съ 27 на 28 декабря 1879 года.

Очень жаль, конечно, этого; но что подѣлаешь! Когда я извлекъ изъ дѣла все, что интересовало меня, я прочелъ это заступавшему мѣсто вице-губернатора, который разрѣшилъ мнѣ все извлеченное взять съ собой, исключая инструкцій, вопросъ о которыхъ просилъ представить на разрѣшеніе губернатора, а тотъ чрезъ нѣсколько времени отвѣтилъ мнѣ, что онъ ничего не имѣетъ и противъ использованія инструкцій.

По ознакомленіи съ дѣломъ, мнѣ показалось, что передъ концомъ заточенія администрація замѣтно смилостивилась надъ узникомъ: стала менѣе придирчива, и даже временами дѣлалась до нѣкоторой степени внимательной къ интересамъ и нуждамъ Николая Гавріиловича.

Такъ, напримѣръ, произведена была замѣна сальныхъ свѣчъ стеариновыми, помѣщеніе было оклеено обоями, выдана была денежная ссуда въ счетъ пособія.

Но въ то же время былъ такъ великъ страхъ, что сейчасъ же писалось объ этомъ на разрѣшеніе генералъ-губернатору, а тотъ, вѣроятно, писалъ въ свою очередь въ „департаментъ“, чтобы на всякій случай сложить съ себя отвѣтственность. Какъ я слышалъ, дѣломъ о Николаѣ Гавріиловичѣ интересовался почему то бывшій генералъ-губернаторъ Селивановъ и, будучи въ этомъ гибломъ краѣ на ревизіи, читалъ это дѣло, какъ мнѣ передавали, въ архивѣ.

Насколько справедливо, не знаю; передаю то, что слышалъ.

Затѣмъ, я получилъ указаніе, что наиболѣе подробныя свѣдѣнія о Николаѣ Гавріиловичѣ можно получить еще отъ бывшаго исправника А. Г. Кокшарскаго, который въ молодости служилъ нѣкоторое время въ Вилюйскѣ, когда тамъ былъ заточенъ Николай Гавріиловичъ. Я обратился и по этому адресу и вотъ что я тамъ узналъ.

Александръ Гавріиловичъ служилъ въ Вилюйскѣ въ должности помощника исправника въ концѣ, если не ошибаюсь, семидесятыхъ и въ началѣ восьмидесятыхъ годовъ прошлаго столѣтія, будучи, сравнительно, молодымъ человѣкомъ, т. е. тогда, когда уже близился конецъ заточенію Николая Гавріиловича, и могъ кое что сообщить только за этотъ періодъ времени.

Оговариваюсь при этомъ, что съ времени нашего свиданія съ А. Г. Кокшарскимъ прошелъ почти годъ, такъ что многое я могъ позабыть; записать же, что мнѣ онъ говорилъ, я стѣснялся, чтобы не дать ему повода къ какимъ либо предположеніямъ на этотъ счетъ.

Вообще Александръ Гавріиловичъ разсказывалъ очень сдержанно и этимъ еще болѣе заставлялъ меня быть осторожнымъ въ разспросахъ.

Если не ошибаюсь, А. Г. Кокшарскій увидался въ первый разъ съ Николаемъ Гавріиловичемъ въ частномъ домѣ, а затѣмъ они познакомились ближе. Интересно здѣсь отмѣтить, что жандармы-наблюдатели появлялись даже въ квартирѣ А. Г. Кокшарскаго, когда тамъ бывалъ Чернышевскій. Въ такихъ случаяхъ Кокшарскій обычно отправлялъ ихъ „во свояси“ съ замѣчаніемъ, что онъ въ помощникахъ не нуждается.

Н. Г. Чернышевскій очень терпимо относился къ своимъ ближайшимъ чиновнымъ тюремщикамъ за исключеніемъ исправника, который очень ему не нравился. И всегда Чернышевскій очень раздражался, когда его посѣщалъ въ заключеніи этотъ чинъ.

Письмо на имя А. Г. Кокшарскаго (см. выше) было написано Чернышевскимъ вотъ по какому поводу.

Николай Гавріиловичъ изъ своего скуднаго пособія умудрился кое-что скопить, сидя по этому случаю на одномъ чаю и хлѣбѣ, съ тѣмъ, чтобы на скопленныя деньги отправить семьѣ хорошій якутскій мѣхъ; но какъ онъ ни копилъ, денегъ все таки не хватило и потому онъ обратился съ ходатайствомъ къ областному начальству о выдачѣ ему ссуды въ счетъ получаемаго пособія.

По словамъ А. Г. Кок-го, Николай Гавріиловичъ ночами очень много писалъ, а утромъ все это сжигалось.

Какъ извѣстно, изъ Вилюйска Н. Г. Чернышевскій былъ переведенъ въ Астрахань. Прощаясь съ А. Г. Кокшарскимъ, онъ оставилъ ему толстую тетрадь своихъ замѣтокъ... но А. Г., страха ради іудейска, сжегъ ее!

г. Томскъ. Врачъ **А. М. Серебренниковъ.**
29 января 1912 г.

Изъ жизни служащихъ на Витимскихъ пріискахъ въ 80-хъ годахъ.

Пріисковыхъ служащихъ временъ 80-ыхъ годовъ слѣдуетъ раздѣлить на три категоріи:

1) *Интеллигенція* (правящій классъ). Это—ревизоръ, исправникъ, казацкій начальникъ, докторъ, учитель, священникъ, конторщикъ. Группа эта, находясь въ полномъ подчиненіи главноуправляющему, была матеріально очень хорошо обставлена: получала хорошее жалованье, занимала хорошую квартиру, выписывала газеты и журналы, работала не по звонку, а по мѣрѣ надобности и пользовалась нѣкоторымъ уваженіемъ главноуправляющаго, что видно изъ того, что каждаго изъ лицъ этой категоріи онъ называлъ не иначе, какъ по имени и отчеству и на поклоны ихъ отвѣчалъ поклонами. Мнѣ, пожалуй, могутъ замѣтить, что не слишкомъ ли я преувеличиваю власть главноуправляющаго и зависимость отъ него служащихъ, что, напр., исправникъ, назначаемый правительствомъ, не могъ быть очень зависимымъ. На это я отвѣчу, что исправникъ получалъ отъ казны, если не ошибаюсь, 1200 руб. жалованья, а отъ золотопромышленниковъ до 20000 руб., и потому не можетъ быть и рѣчи о томъ, отъ кого онъ зависѣлъ.

Во *вторую* категорію служащихъ входили кассиръ, письмоводитель, разные довѣренные, матеріальный, цѣловальникъ,

становые, смотрители разныхъ шахтъ, ортъ, разрѣзовъ и проч., а въ *послѣднюю*—всѣ ихъ помощники и писцы, т. е. всѣ тѣ, которые больше всѣхъ работали, меньше всѣхъ получали жалованья, терпѣли всякія лишенія и униженія, всѣ тѣ, которыхъ не только не называли по имени и отчеству, но фамиліи которыхъ начальство не могло запомнить, да и не интересовалось этимъ, и на поклоны которыхъ отвѣчать не считало нужнымъ. Значительное большинство служащихъ было холостое, а служащихъ послѣдней категоріи—исключительно холостое. Размѣщались они въ большихъ казарменныхъ домахъ. Плохо сколоченные, дома эти, со сквозняками изъ оконъ, изъ стѣнъ, отъ половъ, съ желѣзными временными печами, вмѣсто постоянныхъ кирпичныхъ, съ плѣсенью по угламъ стѣнъ, съ дырявыми, пропускающими дождь, потолками, представляли такой типъ жилья, который недопустимъ ни въ какомъ общежитіи, но на пріискахъ, гдѣ не было протеста ни со стороны исправника, ни доктора, ни тѣмъ болѣе обитателей этихъ домовъ,—такіе дома были.

Пища для служащихъ, кромѣ первой категоріи, изготовлялось на общей кухнѣ на средства пріиска. Незатѣйливый обѣдъ изъ двухъ блюдъ былъ такъ безвкусенъ и иногда такого плохого качества, что болѣе состоятельные служащіе приплачивали что нибудь повару, чтобы тотъ какъ нибудь улучшилъ пищу.

Изнуренные продолжительнымъ пребываніемъ на работѣ, на какомъ нибудь „разрѣзѣ“, запыленные, грязные, измокшіе, продрогшіе, несчастные труженики эти у себя въ помѣщеніи находили одно утѣшеніе—въ отвратительномъ, разбавленномъ водою, спиртѣ и ложились спать, чтобы на завтра, съ 3-хъ час. утра, снова стать на работу. Но не всѣ изъ нихъ могли мириться съ такой обстановкой; потребность высказаться, облегчить свою душу иногда предъ какимъ нибудь служащимъ—шіономъ, потребность сказать нѣсколько правдивыхъ, неодобрительныхъ словъ по адресу главноуправляющаго дорого обходилась несчастному: если онъ не увольнялся, то становился кандидатомъ на увольненіе.

Здѣсь кстати сказать о доносителяхъ. Главноуправляющій имѣлъ у себя такихъ лицъ, изъ служащихъ 2-го разряда, которыя ежедневно докладывали ему обо всемъ, что видѣли и слышали въ прошедшіе сутки.

— Ну, чо же слышалъ?—спрашивалъ онъ какого нибудь Канитонова.

— Вчера у Егорова были гости.

— Ну и чо?

— Играли въ карты сперва, а потомъ ужинали, Честновъ заложилъ 300 руб., а Вороновъ хватилъ по банку...

— Ну, а еще чо?

— Прохорова подъ вечеръ встрѣтилъ...

— Ну и чо?

— Недоволенъ... помѣщеніе, говоритъ, худое...

— А ему чо же? Воздушныхъ замковъ?...

— Не знаю, говоритъ, что придется должно быть подыскать службу на другихъ пріискахъ.

— Ну, и къ чорту! Пусть убирается, ну, а еще чо? Да говори же!

— У Григорьева разговоръ былъ...

— Чо говорили?

— Да такъ разныя разности... Между прочимъ, Григорьевъ грозился пропечатать въ „Восточномъ Обозрѣніи“ Васъ...

— Чо, чо?

— Да, вотъ недоволенъ ужъ очень.

— Къ чорту его! Завтра же въ расчетъ, слышишь, завтра же, чтобы и духу его не было.

Полная зависимость не только отъ главноуправляющаго, но зависимость даже отъ какого нибудь сослуживца—шпіона, расположеніе котораго надо было заискивать,—вотъ особенно мрачная черта пріисковой службы того времени. За то шпіоны жили припѣваючи. Начальство ихъ любило, устраивало жизнь ихъ какъ можно лучше, давало интересныя командировки, какъ напр. сопровожденіе въ Иркутскъ золота, наемъ въ Иркутскѣ рабочихъ и проч. Отвозъ золота доставлялъ счастливцу большія выгоды. Не говоря о жалованіи, которое, конечно, ему отписывалось, о суточныхъ въ дорогѣ, квартирныхъ и суточныхъ въ Иркутскѣ, довѣренный наживалъ на многихъ статьяхъ. Напр. суммы отпускались на провозъ золота въ такомъ расчетѣ, чтобы ихъ хватило не только на почтовые прогоны, но и на оплату провоза «вольными» лошадьми. Въ большинствѣ случаевъ золото возилось на почтовыхъ лошадяхъ, на трехъ, четырехъ тройкахъ, но это нисколько не мѣшало довѣренному показывать въ записяхъ, что, за неимѣніемъ почтовыхъ лошадей, золото возилось на вольныхъ. Также никто не препятствовалъ ему набирать по дорогѣ пассажировъ во всѣ сопровождаемые имъ тарантасы и плату съ нихъ обращать въ свою пользу. Доставка пустыхъ тарантасовъ изъ Иркутска обратно лежала на обязанности довѣреннаго. Но зачѣмъ было доставлять ихъ пустыми, когда всегда можно было найти пассажировъ и взять съ нихъ, если не всю стоимость пробѣга, то хоть $^3/_4$ или $^1/_2$ стоимости и, конечно, эти деньги обратить въ свою пользу.

Кромѣ того довѣренный закупалъ въ Иркутскѣ разные ходовые товары и продавалъ ихъ на пріискѣ съ такимъ барышомъ, о которомъ не могли мечтать заправскіе ростовщики; такъ, напримѣръ, игральныя карты, стоившіе ему въ покупкѣ 25 коп., при безплатномъ провозѣ, продавались только хорошимъ знакомымъ по 2 руб., а прочіе покупатели платили 2 руб. 50 к. и 3 руб. Кисленькое 80-ти копѣечное вино продавалось по 3—4 руб.

Услужливый довѣренный не дремалъ: услышитъ какой нибудь разговоръ въ Иркутскѣ по поводу пріисковъ, исходящій отъ генералъ-губернатора или главноуполномоченнаго по пріисковымъ дѣламъ, разовьетъ его въ какомъ нибудь смыслѣ, *пріятномъ* для главноуправляющаго, перехватитъ какой нибудь анекдотъ изъ жизни хозяевъ пріиска, присочинитъ еще что нибудь и съ этимъ багажемъ возвращается на пріискъ. Довольный его разсказами главноуправляющій даетъ ему новую командировку и еще, и еще и даже такую, что всю зиму прохвостъ живетъ въ Иркутскѣ въ своемъ домѣ, получая и жалованье, и квартирныя и суточныя.

Я не сказалъ ни слова о жизни рабочихъ, но, во-первыхъ, это — не моя задача, а, во-вторыхъ, что сказать объ ней? Если маленькимъ служащимъ жилось, охъ, какъ плохо, то легко вообразить, какъ жилось рабочимъ.

Читатель! Въ прошломъ году Вы много узнали изъ этой жизни и если мы выбросимъ апрѣльскіе разстрѣлы, какъ исключительное явленіе, и всю остальную обстановку ухудшимъ еще насколько возможно, то вотъ будетъ вѣрная картина жизни рабочихъ того времени и лучше я скажу о радостныхъ дняхъ этой жизни. Болѣе радостнаго дня для рабочаго не было, какъ 9-е сентября. Въ этотъ день онъ могъ спать, сколько хотѣлъ, могъ проводить день, какъ хотѣлъ, могъ напиться, какъ хотѣлъ, и никто не штрафовалъ его, онъ былъ свободенъ. Я помню такую сценку:

Идутъ, обнявшись, два рабочихъ, сильно выпившіе и ругаются.

— Тише, Микита, — говоритъ одинъ изъ нихъ, — вишь, ѣдетъ Стрижевъ.

— А мнѣ чего Стрижевъ? Мы плюемъ*) теперь на Стрижева.

— Чего хвастаешь, — говоритъ Стрижевъ, — задержавъ лошадь, я годъ цѣлый плюю*) на васъ, да не хвастаю.

Рабочіе, повидимому, остались очень довольны отвѣтомъ.

П. Собокаревъ.

*) Собственно глаголъ употребленъ не тотъ и, хотя также требовалъ винительнаго падежа, но безъ предлога.

Изъ воспоминаній моей Канской ссылки.

(Продолженіе).

Былъ августъ. Я спалъ крѣпкимъ здоровымъ молодымъ сномъ въ амбарѣ постоялаго двора Вячеслава Рахманова, считавшагося первымъ силачомъ между Канскими мѣщанами.

— Проснись, проснись!—теребила меня старуха, мать хозяина.—Ишь, какъ спитъ, будто убитый.

— Что надо, Анна Васильевна?

— Да, вишь, тебя кто то спрашиваетъ; по нужному дѣлу, говоритъ, видѣть надо.

— Пошли его сюда, Анна Васильевна.

Не успѣлъ я одѣться, дверь амбара открылась и я увидѣлъ предъ собой молодого парня, безъ бороды и усовъ, средняго роста, блокураго, съ голубыми глазами, съ открытымъ добродушно-серьезнымъ лицомъ, правильными славянскими чертами лица, тонкимъ съ небольшой горбинкой носомъ. Одѣтъ былъ парень въ ситцевую простую рубаху, крестьянскій картузъ и сапоги съ небольшими голенищами. Подойдя ко мнѣ, ранній посѣтитель, нарушившій мой утренній сонъ, протягивая руку, сказалъ:

Здравствуйте, коллега! Вы вѣдь Михаилъ Павловичъ?

— Да,—отвѣчалъ я, немало удивленный допросомъ.—Изъ Петербурга?

— Да.

— Здѣсь насъ никто не слышитъ?

— Нѣтъ.

— Ну, вотъ и отлично.

— Васъ сюда сослали? – спрашиваю я.

— Нѣтъ,—отвѣчалъ мой незнакомецъ.

— Такъ кто же вы? Кто вамъ далъ мой адресъ?

— Ваши товарищи.

— Зачѣмъ? Назовите хоть одного,—спрашиваю я.

— Павла Орлова знаете, помните?

— Какъ не знать, вмѣстѣ сидѣли когда то.

— А Валеріана Осинскаго?

— То же хорошо зналъ.

— Вы съ нимъ въ Петербургѣ встрѣчались?

— Да.

— Въ 1874 г., когда работали на заводѣ, вы каждую субботу у него ночевали?

— Откуда вы все это знаете,—спрашиваю я.

— Валеріанъ—мой товарищъ, онъ очень много про васъ говорилъ. Однако, довольно другъ другу допросы дѣлать. Я—Владиславъ Избицкій, судившійся по *Кіевскому дѣлу*, процессъ то нашъ читали?

Послѣ этого я все понялъ.

— А теперь, товарищъ, нельзя ли меня согрѣть чѣмъ нибудь, я озябъ, утро сегодня холодное, а я, какъ видите, въ одной рубахѣ.

Я предлагаю ему свой сюртукъ:

— Примѣрьте, можетъ быть, по плечу будетъ. Оказалось, что мой сюртукъ какъ будто бы шитъ былъ на Избицкаго.

— А теперь пойдемъ въ мою комнату чай пить.

— Самоваръ былъ уже готовъ и старая хозяйка напекла цѣлую тарелку пшеничныхъ лепешекъ.

— Ахъ, какія вкусныя лепешки,—говорилъ Избицкій,—давно такихъ не ѣдалъ. Теперь я согрѣлся.

Послѣ чаю мы опять отправились въ амбаръ, гдѣ онъ разсказалъ мнѣ, что онъ *сжился* съ уголовнымъ Иваномъ Степановымъ, назначеннымъ на поселеніе въ Ирбейскую волость.

— Освободившись въ Рыбинскомъ этапѣ, въ 75 верстахъ отъ Канска, я въ своей волости еще не былъ, а прямо пришелъ въ Канскъ съ 3 молодцами, распрогандированными мной еще въ Кіевской тюрьмѣ. Адресъ вашъ мнѣ извѣстенъ былъ уже въ Кіевѣ. Теперь же я хочу посвятить васъ въ свои будущіе планы, которые заключаются въ освобожденіи своихъ товарищей, отправляемыхъ на Кару. Но бѣда въ томъ, что у меня нѣтъ для этой цѣли денегъ.

— Какимъ же путемъ вы хотите освободить товарищей?—задалъ я ему вопросъ.

— По условію съ товарищами, я долженъ ѣхать, или слѣдовать за партіей вмѣстѣ съ своими молодцами и по сигналу мы должны напасть на конвойныхъ солдатъ; именно, тамъ, гдѣ это будетъ удобно. Понятно, мы расчитываемъ на помощь товарищей и уголовныхъ арестантовъ. Освободившись, мы должны идти тайгой къ границѣ Монголіи, для чего должны запастись на мѣсяцъ приблизительно сухарями. Чтобы слѣдовать за партіей съ такимъ грузомъ, намъ нужна лошадь съ телѣгой.

— Вы знакомы,— спрашиваю,— съ характеромъ мѣстности въ Канскомъ и Нижнеудинскомъ округахъ?

— Нѣтъ, незнакомъ.

— Надежны ли ваши молодцы?

— Вполнѣ.

— Не выдадутъ васъ?

— Надѣюсь.

— Смотрите, такъ ли?

— Мои молодцы,—заявилъ Избицкій,— люди рѣшительные, ничего не побоятся, а, чтобы насолить начальству, со мной въ огонь и воду пойдутъ.

— Допустимъ, вы освободите товарищей, а въ состояніи они унести на себѣ 1 или 1½ пуда сухарей?

— О, это пустяки!

Несмотря на то, что я въ это время былъ молодъ, способенъ былъ увлечься какимъ угодно рискованнымъ предпріятіемъ, но что то мнѣ не вѣрилось въ „дѣло“ Избицкаго, потому что товарищи Избицкаго были южане, незнакомые съ суровой природой Сибири и сдержанными сибиряками. Но я какъ то невольно подчинялся вліянію экзальтированнаго Избицкаго, твердо вѣрившаго въ себя и свой планъ.

— Теперь,— говорю я.— еще вопросъ. Вы вышли въ с. Рыбинскомъ не одинъ, а съ нѣсколькими; увѣрены ли въ томъ, что уголовные ссыльные, назначенные въ Ирбейскую и Рыбинскую волости, по прибытіи на мѣсто, не разболтали о вашей смѣнѣ.

— Нѣтъ. Большая половина вышедшихъ вмѣстѣ со мной сами смѣнщики, каторжане, и, вѣроятно, всѣ они уже отправились въ Россію, такъ что имъ некому разсказывать; да вѣдь и двое изъ моихъ молодцовъ тоже каторжане. Гринфестъ (Гриша) отлично знаетъ Забайкалье. Онъ уже тамъ бывалъ.

— Хорошо все это, но я все таки побываю кое гдѣ и узнаю всѣ новости, какія появились въ городѣ вчера. Если извѣстно о вашей смѣнѣ, то, быть можетъ, уже и въ полиціи знаютъ объ этомъ. Пока вы сидите здѣсь.

Избицкій остался въ амбарѣ, а я рѣшилъ отправиться къ Потапенко. Только что я вышелъ изъ амбара, какъ старуха хозяйка остановила меня.

— Скажи, Михаилъ Павловичъ,— говорила она,— кто это твой новый товарищъ, которому ты отдалъ свой сюртукъ и пальто?

— А это, Анна Васильевна, помощникъ Аницрскаго волостного писаря, нынѣ безъ мѣста, недавно расчитался, при-

шелъ сюда искать мѣста. Если здѣсь не найдетъ, то пойдетъ въ Уру; тамъ, я слышалъ, есть мѣсто въ волостномъ правленіи.

— А зачѣмъ ты отдалъ ему свою одежду?

— Да потому, что у него ея нѣтъ.

— Какой же это помощникъ писаря, когда на немъ только одна рубашка: помощники всѣ имѣютъ одежду, а онъ ничего. Смотри, ужъ не спроказилъ ли онъ чего нибудь!

— Не безпокойся, я его давно знаю,—отвѣчалъ я.—Парень онъ хорошій: не изъ тѣхъ, что проказничаютъ.

— А изъ какихъ онъ будетъ?

— Крестьянинъ Устьянской волости.

—Ой, Михаилъ Павловичъ, обманываешь ты меня; что то онъ не похожъ на крестьянина.

— Почему ты такъ думаешь, Анна Васильевна?

— Когда чай то вы пили, я вѣдь слышала, какъ вы съ нимъ говорили. Крестьяне такъ не говорятъ. Нѣтъ, это не мужикъ,—добавила старуха.

Допросъ Анны Васильевны на меня подѣйствовалъ непріятно. Умная хозяйка сейчасъ же сообразила, что Избицкій не помощникъ писаря, а кто то другой. Но кто, опредѣлить этого она не могла.

Я отправился къ Потапенко, который жилъ вблизи отъ меня. Я засталъ его дома. Разговаривая съ нимъ о новостяхъ, я спросилъ, не слышно ли чего изъ новостей полицейскихъ, которыя онъ всегда узнавалъ почти изъ первыхъ рукъ, такъ какъ онъ давалъ уроки французскаго языка дѣтямъ исправника.

Хитрый французъ послѣ урока, за чаемъ, всегда, незамѣтно для исправника, выпѣдывалъ у него всѣ новости секретнаго характера.

— Послѣ урока Потапенко зашелъ ко мнѣ и сказалъ, что секретныхъ новостей въ полиціи никакихъ нѣтъ.

Въ тотъ же вечеръ я опять зашелъ къ Потапенко и посвятилъ его въ предпріятіе Избицкаго насчетъ освобожденія государственныхъ ссыльныхъ, слѣдующихъ на Кару.

— Деньги есть?—задалъ мнѣ вопросъ Потапенко.

— Кромѣ моихъ 80 р. и 5 р. Избицкаго, ничего нѣтъ.

— Хотя я и не особенно вѣрю въ успѣхъ освобожденія Избицкимъ своихъ товарищей, но все, что могу, сдѣлаю, или вѣрнѣе, попробую сдѣлать. Что выйдетъ изъ этого, сказать трудно.

На слѣдующій день мы рѣшили созвать къ Потапенко всѣхъ своихъ повстанцевъ —*будку пить* по случаю именинъ

его сожительницы. Разослали извѣщенія. Мы съ Избицкимъ пришли на именины ранѣе всѣхъ.

Собрались всѣ приглашенные. Было шумно. Всѣ говорили, спорили, острили и шутили. Разговоры шли на русско-польскомъ языкѣ. Ежеминутно слышались фразы: „почекай, почекай, пане!“.

Сожительницы повстанцевъ, слыша слова „чекай, чекай“, острили:

— Ну, теперь хоть уши затыкай, добраго ничего не услышать, кромѣ „чекай“. Того и глядп, что *зачекаютъ* совсѣмъ.

— Пускай они *чекаютъ* на здоровье,—говорили другія,—а мы лучше выпьемъ наливочки по килишку (по рюмкѣ). Это будетъ гораздо лучше.

Подходили къ столу и выпивали.

Наконецъ, раздались звуки гармоніи, на которой всегда игралъ французъ. Игралъ онъ не только въ минуты скуки и раздумья, но и когда ему было весело, когда онъ уносился мечтами во Францію, свою вторую родину, которую онъ страстно любилъ, когда вспоминалъ лучшее свѣтлое время, проведенное имъ въ дѣтствѣ и юношествѣ...

Послѣ француза игра на гармоніи продолжалась.

Игралъ старый, сѣдой литовецъ Гинтовтъ-Дзевялтовскій, землякъ Ярмоловича. Игралъ онъ свою любимую пѣсню: «Скиньте кандалы, я васъ научу, какъ чувствовать свободу». Хотя кандалы у него давно были сброшены, но Гинтовтъ продолжалъ жить въ Канскѣ и копилъ капиталецъ на черный день, потому что его пріятель Камінскій, живній въ Минскѣ и содержавшій тамъ кухмистерскую, писалъ ему, что безъ денегъ трудно жить на родинѣ; времена измѣнились и что сочувствія между старыми знакомыми онъ не встрѣтитъ, а потому необходимо копить деньги, чтобы не обращаться за помощью къ старымъ пріятелямъ.

— Пане Гинтовтъ! Пане Гинтовтъ! Грай польку,—говорилъ Ярмоловичъ.

Но Гинтовтъ, увлеченный своей игрой, не слышалъ, что ему говорилъ Ярмоловичъ. Въ эти минуты онъ весь погружался въ свои воспоминанія о загубленной, разбитой жизни, о своей невѣстѣ, жившей въ Казани, ожидавшей его, своего жениха, въ теченіе 18 лѣтъ.

Тяжело бывало и у меня на душѣ, когда Гинтовтъ читалъ мнѣ полученныя отъ своей невѣсты письма и заливался горькими слезами. Особенно тяжело было видѣть слезы не юноши, но сѣдовласаго старца.

— Пани Гинтовть! Грай польку,—повторилъ Ярмоловичъ.

Кавалеры встали и пригласили своихъ дамъ на танцы. Примѣру ихъ послѣдовалъ и Избицкій, пригласившій дочь стараго повстанца 30-хъ годовъ прошлаго столѣтія, хорошую танцорку.

— Артистъ, артистъ!—говорили поляки, глядя на Избицкаго.—Онъ навѣрно полякъ, урожденный полякъ; только поляки могутъ такъ хорошо танцовать польку, какъ танцуетъ онъ. Кто онъ, откуда вы его взяли?—спрашивали поляки, обращаясь ко мнѣ.

Я отвѣчалъ, что это русскій, москаль, мой старый знакомый, жилъ когда то въ Польшѣ.

— Нѣтъ,—возражали мнѣ поляки,—незнакомый панъ непремѣнно долженъ быть полякомъ, потому польку танцуетъ, какъ истый полякъ и по польски хорошо говоритъ.

Разубѣдить поляковъ было очень трудно.

Послѣ танцевъ Избицкій постарался самъ вызвать у поляковъ подозрѣніе насчетъ своего происхожденія. Онъ обратился къ нимъ съ рѣчью на польскомъ языкѣ противъ сепаратизма, которымъ грѣшили повстанцы 1863 г.

Начались ожесточенные дебаты на русскомъ языкѣ, потому что въ нихъ принялъ участіе и я. Мы съ Избицкимъ и Потапенко доказывали равенство и братство всѣхъ народовъ, проводили космополитическія идеи и указывали, что всѣ хожденія до *ляху* ничего не дадутъ полякамъ, кромѣ вреда. Благосостояніе Польши должно покоиться на благосостояніи Россіи.

— Французъ, французъ!—ядовито замѣчалъ Ярмоловичъ,—значитъ, и нѣмцы твои братья. Такъ что ли?

— Эти варвары никогда не могутъ быть моими братьями,—возразилъ Потапенко, не замѣчая ловушки, въ которую попалъ.

— Но вѣдь эти варвары побѣдили французовъ; значитъ, у нихъ и культура высоко стоитъ.

— Неправда, Ярмоловичъ! Выше французской культуры ничего нѣтъ на земномъ шарѣ.

— А кто васъ, коммунаровъ, разстрѣливалъ?

— Да французы, находившіеся въ тотъ моментъ подъ вліяніемъ и тяжелымъ давленіемъ варваровъ—нѣмцевъ.

— Французъ, вы теряете логику и почву,—добавилъ Ярмоловичъ.

— Пане Ярмоловичъ,—замѣтилъ Избицкій,—это еще не значитъ, что нѣмцы всегда будутъ злоупотреблять своей культурой, направляя ее на истребленіе рода человѣческаго,

Теперь не одни нѣмцы являются врагами другихъ народностей, но въ будущемъ человѣкъ человѣку долженъ стать братомъ, а не волкомъ, какъ теперь. Если Потапенко сердитъ на нѣмцевъ, то это для меня и для всѣхъ васъ должно быть понятно.

Далѣе, Избицкій широко и глубоко развилъ мысль, что всѣ люди по рожденію равны и братья между собой. что христіанство стоитъ также на этой точкѣ зрѣнія. И въ концѣ рѣчи пламенно обрушился на поляковъ, безполезно погубившихъ во время своихъ возстаній тысячи невинныхъ жертвъ во имя насильнической и несообразной съ дѣйствительностью идеи о возстановленіи Польши отъ моря до моря съ поглощеніемъ малороссовъ, бѣлоруссовъ, литовцевъ и галицкихъ русинъ.

— Міръ существуетъ не для того, чтобы ваша шляхта и магнаты *господствовали* и безобразничали въ будущей Великой Польшѣ. Довольно и того, что отъ вашихъ прежнихъ неистовствъ захлебывалась въ крови православная часть населенія Рѣчи Посполитой.

Горячая рѣчь Избицкаго, направленная противъ сепаратистовъ, подѣйствовала непріятно на поляковъ, но зато она привела въ восторгъ француза Потапенко.

Произошло минутное, неловкое молчаніе, изъ котораго вывелъ находчивый Ярмоловичъ.

— Панове,—сказалъ онъ,—выпіемъ за пана оратора по килишку вуды! И, подойди къ столу, началъ наливать рюмки.

— Мало! мало!—кричалъ обрадованный французъ.—По три, по три!

— Панове,—сказалъ Гинтовтъ,—за пана оратора выпіемъ сразу по пяти.

Предложеніе Гинтовта вызвало дружный смѣхъ.

— Добже, пане Гинтовтъ! Добже!

Кто то въ это время разсказалъ анекдотъ про католика, лютеранина и русскаго. Будто бы передъ одной общей выпивкой католикъ пригласилъ товарищей:

— Вѣкъ нашъ крутки: напіемся вудки!

Лютеранинъ не остался въ долгу:

— Вѣкъ нашъ не длуги, выпіемъ по други!

Русскій какъ, и слѣдовало ожидать, превзошелъ своихъ собутыльниковъ:

— Эхъ, чертъ васъ побери, выпьемъ сразу по пяти!

Въ то время, когда выпивали и закусывали, часовой мастеръ Фуровичъ отозвалъ меня въ сторону и спросилъ:

— Скажите, Михаилъ Павловичъ, панъ *этотъ* соціалистъ?

— Почему вы такъ думаете?

— Видите, онъ говоритъ то же, что и вы съ Потапенко говорите, а вѣдь вы соціалисты, значитъ, и панъ ораторъ — соціалистъ. Всѣ наши поляки говорятъ, что онъ присланъ сюда русскими соціалистами. Должно быть, сильны наши соціалисты, даже въ Сибирь для насъ послали своего эмиссара. Надо отдать справедливость, выборъ удачный; знали, что къ намъ слѣдуетъ послать поляка.

— Должно быть въ Польшѣ тоже *начинается?*

— Нѣтъ.

— Какъ же такъ!

— Вездѣ,—говорю,— начато.

— Я бы поѣхалъ до родины, такъ бы улетѣлъ, да семья держитъ. Придется здѣсь ужъ умирать,—проговорилъ съ величайшею грустью Фуровичъ и отошелъ отъ меня.

— Пане Гинтовтъ! Грай польку мазурку! Краковякъ! Русскую! Русскую!

Гинтовтъ заигралъ русскую. Нѣсколько дамъ встали посреди комнаты, держа въ рукахъ платки. Танецъ начался. Тутъ изъ кавалеровъ выступили на сцену только трое: Избицкій, Потапенко и Ленартовичъ. Пальма первенства принадлежала опять таки Избицкому. Онъ лихо отхватывалъ русскую.

— Панове! Выпьемъзарусскихъ соціалистовъ!— предложилъ Ярмоловичъ.

— За всѣхъ! — поправилъ Потапенко.

— Пане Гинтовтъ! Грай мнѣ одному краковякъ, — громко попросилъ высокій сѣдой Ленартовичъ изъ Варшавы.

Всѣ дружно засмѣялись.

Гинтовтъ игралъ краковякъ

Опять выступилъ на сцену Избицкій. Польскіе танцы онъ исполнялъ мастерски. Похвалы сыпались со всѣхъ сторонъ.

Но веселіе наше было неожиданно нарушено. Французъ, состязавшійся съ Избицкимъ въ краковякѣ, вдругъ сдѣлался блѣденъ, какъ полотно, и началъ падать.

Избицкій, замѣтивъ это, поддержалъ его и при помощи другихъ уложилъ его въ постель.

Затѣмъ, Избицкій изслѣдовалъ пульсъ у француза и нашелъ, что онъ страдаетъ порокомъ сердца, написалъ рецептъ по всѣмъ правиламъ медицинскаго искусства и подписался докторомъ Николькимъ: самъ же не отходилъ отъ Потапенко, давалъ ему пить холодной воды. Въ единственной въ то время въ г. Канскѣ городской аптекѣ на бѣду не оказалось фельдшера, который на ночь уходилъ спать домой, къ себѣ на квартиру, такъ что пришлось обратиться къ доктору

Піотровскому, человѣку безусловно порядочному, имѣвшему большое сходство по своимъ душевнымъ качествамъ съ Иркутскимъ Ц. Цѣхановскимъ. Піотровскій, прочитавъ рецептъ, сейчасъ же поѣхалъ въ аптеку самъ, составилъ лекарство и привезъ его къ Потапенко, котораго онъ очень любилъ и уважалъ за его искренность и эксцентричность. Потапенко цѣнилъ въ Піотровскомъ гуманность, отзывчивость и готовность во всякое время дня и ночи помочь больному.

— Докторъ и священникъ,—нерѣдко говаривалъ Піотровскій,—себѣ не принадлежатъ; они—достояніе общества. Они должны быть истинными друзьями рода человѣческаго, а не формалистами, строющими свое благополучіе на страждущемъ человѣчествѣ, какъ это дѣлаютъ многіе изъ моихъ товарищей по профессіи.

Бывало, придетъ паціентъ къ доктору и застаетъ его за обѣдомъ. Піотровскій встаетъ изъ за-стола и идетъ къ посѣтителю въ прихожую.

— Что скажешь?—мягко и спокойно спрашиваетъ докторъ.

— Къ вашей милости,—говоритъ посѣтитель.—Въ домѣ у меня неладно; съ бабой что то случилось. Брякнулась о полъ и лежитъ; ужъ ведро холодной воды выкатилъ на нее; думалъ—въ чувствіе придетъ, а нѣтъ, не приходитъ. Вотъ я и прибѣгъ къ тебѣ.

— Ты гдѣ живешь то?

— Да на Тараѣ *)

Докторъ торопливо начинаетъ одѣвать свой бѣлый шелковый пиджакъ, въ которомъ онъ ѣздилъ всегда и зимой и лѣтомъ.

— Да ты, дохтуръ—батюшко, поѣшь, успѣемъ еще.

— Нѣтъ! Нѣтъ, обѣдъ не убѣжитъ, а баба твоя можетъ умереть. Для доктора обѣда не полагается.

Затѣмъ раздается спѣшный приказъ:

— Иванъ! Лошадей скорѣе выводи на улицу къ крыльцу, сейчасъ поѣдемъ.

Дальше, садится на свою знаменитую долгушу, купленную за 25 руб., садитъ съ собой пришедшаго и ѣдетъ на окраину города, бережно держа въ рукахъ небольшой ящичекъ съ лекарствами, необходимыми для подачи первоначальной медицинской помощи.

Но случалось и такъ. Пріѣдетъ докторъ къ больному, осмотритъ, пропишетъ рецептъ и велитъ идти въ городскую аптеку, скажетъ при этомъ, сколько приблизительно надо захватить денегъ. Обыватель вытащитъ изъ узелка 25—50 к. и, подавая доктору, скажетъ:

*) Предмѣстье города.

— Возьми, батюшко, извини только, больше нѣту.

— Не надо! Я получаю 125 руб. казеннаго жалованья, мнѣ хватаетъ, а тебѣ это пригодится. Завтра я заѣду.

И потомъ ѣдетъ домой, чтобы кончить свой прерванный обѣдъ...

Вотъ этотъ Піотровскій и столкнулся у постели француза съ Избицкимъ.

А, здравствуйте, коллега; скажите, что съ нимъ было,— спросилъ Піотровскій, указывая на Потапенко.

— Да, видите ли, маленько поволновался, выпилъ лишнюю рюмку, ну, и потанцовалъ. А между тѣмъ, все это для него плодъ запрещенный. Предупреждалъ я его, да напрасно. Но хорошо, что вы случились.

— Компрессъ бы надо изо льда поставить, да гдѣ теперь его найдешь, даже у насъ, въ больницѣ, весь растаялъ.

Потапенко хотѣлъ встать, но Піотровскій запретилъ.

— Лежите, лежите! Завтра можете встать, будете молодцомъ, только слабость почувствуете. Чаю не пейте. Молочка можете вмѣсто чаю, такъ холоднаго. Завтра я рано заѣду къ вамъ.

— А вы гдѣ, коллега, изволили окончить?

— Кіевскій университетъ,—отвѣтилъ Избицкій.

— Очень пріятно, очень пріятно!.. У насъ одна съ вами alma mater.

— А куда изволите ѣхать?

— На Амуръ,—отвѣчалъ Избицкій, нисколько не задумываясь.

— Гдѣ вы остановились?

— У Михаила Павловича, своего стараго пріятеля.

Потомъ Піотровскій началъ разспрашивать объ университетѣ. Оказалось, что одинъ изъ старыхъ профессоровъ читалъ лекціи по общей паталогіи еще и тогда, когда учился Піотровскій; другой профессоръ былъ товарищемъ его.

— Видите ли,—говорилъ, смѣясь, докторъ,—онъ уже профессоръ, а я канскій докторъ, успѣлъ кандалы поносить, 2 года въ каторгѣ пробыть, а теперь, впрочемъ, титулярный совѣтникъ. Шутка ли!

Въ этотъ моментъ послышался хрипловатый громкій голосъ:

— Хозяинъ дома?

То былъ полицейскій надзиратель Козловскій.

— Вижу докторскую долгушу у пана Потапенки и зажженыя свѣчи на столѣ, думаю, что то случилось. Можетъ быть, кто нибудь нездоровъ?

— Да, хозяинъ,—говорю я.

— Можно посмотрѣть больного?

— Надо спросить у доктора.

— Докторъ, можно къ вамъ?

— Можно,—отвѣчалъ Піотровскій,—но только не особенно громко говорите.

— Поздоровавшись съ докторомъ, Козловскій обратилъ вниманіе на Избицкаго.

— Позвольте узнать, кого имѣю удовольствіе видѣть?-обратился онъ къ Избицкому.

Меня въ эту минуту передернуло. Вотъ, думаю, чортъ принесъ его не во время, да еще съ разспросами.

— Я—докторъ Никольскій, – отвѣчалъ Избицкій.

Я невольно подумалъ:

— Ну, пропало теперь: запутаетъ онъ Избицкаго...

Но въ этотъ моментъ я быстро нашелъ выходъ изъ затрудненія. Именно, я подошелъ къ сидѣвшему рядомъ со мной Ярмоловичу и шепнулъ ему на ухо:

— Зовите его водку пить.

Ярмоловичъ сразу понялъ меня, вошелъ за перегородку, гдѣ лежалъ Потапенко, безъ церемоніи взялъ за рукавъ блюстителя порядка и торжественно произнесъ:

— Господинъ полиціймейстеръ знаменитаго города Канска! Пожалуйте выпить!

— Вы, Петръ Васильевичъ, вѣчно изволите мнѣ преподносить ядовитыя шпильки: какой же я полиціймейстеръ; я—только полицейскій надзиратель.

— Для кого вы—надзиратель, а для меня вы—полиціймейстеръ, денной нашъ хранитель.

— Договаривайте ужъ, Петръ Васильевичъ!

— Что договаривать-то? Не знаю.

— Ядовитый вы, Петръ Васильевичъ. Выругаете такъ тонко, что и привязаться къ вамъ нельзя.

— Пью за здоровье нашего полиціймейстера, денного хранителя. Господинъ полиціймейстеръ! Стомаха ради слѣдуетъ укрѣпится виномъ, которое веселитъ сердце, а особенно мое сердце прыгаетъ отъ радости, коли да ежели я вижу нашего достоуважаемаго охранителя. Позвольте выпить за нашего канскаго губернатора, господина исправника!

— Сегодня, – продолжалъ Ярмоловичъ,—у меня въ домѣ, т. полиціймейстеръ, случилось происшествіе величайшей важности. Моя собака *арабка* забралася въ чуланъ и съѣлъ 3 пуда масла коровья, о чемъ имѣю честь доложить вамъ. Другое происшествіе случилось недавно, когда я шелъ сюда, на-

Береговой улицѣ. Именно три дамы безъ роговъ изъ породы ovis*), предварительно сговорившись между собой, напали на пса моего сосѣда *финалку* и лишили его жизни. Виновныхъ въ злодѣяніяхъ прошу неукоснительно привлечь къ судебной отвѣтственности. Вотъ вамъ новости. Скажите вы свои.

— У меня ихъ нѣтъ,— отвѣчалъ Козловскій. Все благополучно. Васъ не переслушаешь, Петръ Васильевичъ, имѣю честь кланяться, надо ѣхать. Я и заѣхалъ то сюда на минуту, на огонекъ.

Сдѣлавъ общій поклонъ, Козловскій удалился.

Въ это время повстанцы, за немногимъ исключеніемъ, всѣ почти разошлись. Избицкій на нихъ, съ одной стороны, произвелъ непріятное впечатлѣніе, какъ ярый противникъ польскаго сепаратизма, которымъ были пропитаны всѣ они, но, съ другой стороны, онъ имъ очень нравился, какъ горячій революціонеръ, очень образованный докторъ, хотя Избицкій былъ только студентомъ IV или V курса университета, если не измѣняетъ мнѣ память.

Поздно вечеромъ мы съ Избицкимъ возвращались на постоялый дворъ. Кромѣ спящаго ночного караульнаго, мы никого не встрѣчали, только собаки, заслыша наше шлепанье по грязи, съ лаемъ набрасывались на насъ. Но такъ какъ я съ этими животными всего города былъ большимъ пріятелемъ, то мнѣ легко было успокоить ихъ. Обычно я подходилъ къ нимъ и ласково трепалъ по мордамъ:

— Дуракъ ты, арабка. Не узналъ, скотина... ну, давай лапу!

Собаки обнюхивали меня и спутника и моментально возвращались туда, гдѣ лежали.

Избицкій всю дорогу молчалъ. Разговорился только тогда, когда мы въ амбарѣ раздѣлись и легли на наши жесткіе пуховики, т. е. войлочныя подстилки.

— Здорово же смутилъ меня вашъ полицейскій, когда явился къ намъ и сталъ меня допрашивать,—началъ Избицкій.—Вотъ, думаю, нелегкая то его принесла. Дѣло въ томъ, что у меня вѣдь нѣтъ никакого паспорта—и вдругъ бы онъ спросилъ его...

— Безъ паспорта здѣсь,—говорю я,—довольно опасно; надо какъ нибудь устроить. У меня есть старый поселенческій, но примѣты не подойдутъ; конечно, за неимѣніемъ лучшаго можно и его пускать въ ходъ.

— Ладно, и этотъ хорошъ пока,—согласился со мной Избицкій.

*) Овца.

Долго мы не спали и все обсуждали различные планы и предположенія Избицкаго. Впрочемъ, вѣрнѣе будетъ назвать эти планы увлекательными мечтами, туманъ которыхъ для меня былъ очевиденъ, но Избицкій—натура глубокоувлекающаяся, онъ искренно вѣрилъ въ свои радужныя „соображенія“. Понятное дѣло, что ему очень часто приходилось разочаровываться. Вступая въ бесѣду съ поляками, Избицкій былъ вполнѣ увѣренъ, что достаточно ему произнести зажигательную рѣчь, какъ повстанцы его поймутъ и сдѣлаются прозелитами. Какъ и слѣдовало ожидать, онъ ошибся; никого изъ поляковъ онъ не переубѣдилъ.

— Это застывшіе, мертвые люди,—горячился Избицкій.— У нихъ теперь на умѣ рубли и матеріальный достатокъ; идеи всѣ испарились; ихъ нельзя даже патріотами назвать. Это какіе то кастраты. Навѣрное, скучно вамъ, Михаилъ Павловичъ, съ ними, этими кулаками?

Я заступился за поляковъ.

— Вы неправы,—говорю я—нельзя сердиться на людей только за то, что вы не убѣдили ихъ отрѣшиться отъ сепаратизма и націонализма. Очевидно, что въ вашей пламенной филиппикѣ чего то недостаетъ.

— Эхъ, что вы, Михаилъ Павловичъ! Вѣдь имъ давно ужъ пора измѣнить свои убѣжденія, потому что на ихъ сторонѣ тяжелый опытъ, который указываетъ имъ другой путь. Этого пути они не видятъ, вслѣдствіе своихъ крѣпостническихъ тенденцій. Имъ тяжело жить, какъ они утверждаютъ, подъ игомъ русскаго правительства; желаютъ они освободиться отъ этого ига, а сами въ то же время стремятся поработить малороссовъ, бѣлоруссовъ, литовцевъ, латышей и даже русскихъ. У нихъ нѣтъ ровно никакихъ понятій о свободѣ, равенствѣ и братствѣ народовъ. Нѣтъ, они враги наши и враги сознательные, по отношенію къ нимъ не можетъ быть никакой пощады.

— Позвольте,—возражаю я,—а гдѣ же тогда ваша терпимость? Вы проповѣдуете свободу слова, свободу личности, равенство и братство, въ такомъ случаѣ нельзя налагать узду и на свободу слова вашихъ противниковъ. Пускай они проповѣдуютъ, что хотятъ; если проповѣдь ихъ плоха, она не привьется.

— Нѣтъ, извините, вы ошибаетесь. Я—полякъ, видѣлъ своими глазами, что польская узость, нетерпимость развиваетъ въ другихъ національностяхъ то же самое. Поясню свою мысль примѣрами. Положимъ, вы будете въ Польшѣ и зайдете въ ресторанъ: не зная польскаго языка, спрашиваете

обѣдъ—по русски. Будьте увѣрены, что въ это время къ вамъ подойдетъ полька, отлично понимающая, что вамъ нужно, и непремѣнно ядовито улыбнется и скажетъ вамъ:

— Ницъ не разуме!

— А если скажете извозчику, чтобы онъ васъ отвезъ—въ такую то улицу, повѣрьте, что вы ничего не достигнете. Извозчикъ будетъ сидѣть на козлахъ и виду не подастъ, что онъ понимаетъ васъ. Теперь попробуйте подозвать городового и попросить его помочь вамъ; тотъ же извозчикъ сразу пойметь русскую рѣчь городового и отвезетъ васъ, куда угодно. Это развѣ не издѣвательство надъ вами? Развѣ у васъ не появится послѣ этого сознаніе національнаго чувства? Развѣ съ этой стороны поляки не вредны для соціализма?

На другой день мы проснулись, когда солнце стояло уже высоко.

— У меня сегодня что то тяжело на душѣ, одѣваясь говорилъ Избицкій. Несуевѣрный я человѣкъ, но предчувствую, что случится что то неладное; гдѣ то впереди меня ждетъ неудача. Предъ арестомъ въ Кіевѣ, наканунѣ вечеромъ, со мной произошло то же, что и вчера у Потапенко. Всталъ тогда довольно рано поутру, разбудилъ своего брата Генриха; взяли оба пачку прокламацій, вышли на улицу и начали раскленвать; все ладно. Вдругъ, откуда ни возмись, явился городовой и арестовалъ Генриха; не успѣлъ я оглянуться, какъ очутился также въ рукахъ 2-хъ шпіоновъ и городового.

— А что, продолжалъ Избицкій послѣ нѣкоторой паузы,— вотъ полиціймейстеръ то, вчерашній *хорошій знакомый*, не можетъ напакостить?

— Совершенно,—говорю,—безвредный. Онъ, братъ, женатъ на сестрѣ Н. М. Ядринцева; съ нимъ жить можно.

— Не пронюхалъ ли онъ чего нибудь?

— Успокойтесь, вѣдь самъ же онъ сказалъ, что заѣхалъ случайно на огонекъ.

— Хорошо, если бы такъ.

— Ну, а теперь идемъ чай пить. Навѣрно, хозяйка ужъ ворчитъ, что мы заставляемъ ее долго ждать съ самоваромъ. Кромѣ того, вамъ нужно поторопиться сходить на острожную площадь переговорить съ товарищами. Вчера у насъ была суббота, значитъ, они уже въ Канскѣ, а затѣмъ, надо подробно узнать, какъ тамъ ведетъ себя двойникъ Владислава Избицкаго и какъ относится къ нему партія уголовныхъ; не болтаетъ ли чего либо о смѣнѣ. Если болтаетъ, такъ надо

отсюда изчезать какъ можно скорѣе и не только изъ Енисейской губ., но и вообще изъ Сибири....

— Да, да, перебилъ меня Избицкій. Но какъ все устроить?

— Вы напишите записку одному изъ товарищей, а я передамъ торговкѣ, которая ходитъ въ острогъ для продажи разныхъ продуктовъ арестантамъ; она передастъ по назначенію и черезъ нее же получимъ отвѣтъ.

— Такъ и было сдѣлано. Не болѣе, какъ черезъ часъ, получено было извѣщеніе, что партія уголовныхъ молчитъ о смѣнѣ, а второй экземпляръ Избицкаго очень доволенъ своимъ положеніемъ и званіемъ „государственнаго преступника“, потому что солдаты и конвойные начальники, хотя и усиленно слѣдили за политическими, но обращались съ ними вѣжливѣе и сдержаннѣе; во всякомъ случаѣ не такъ, какъ съ уголовными, которымъ подчасъ попадали и подзатыльники. Между прочимъ, товарищи Избицкаго писали, что Иванъ Степановъ объявитъ о своей смѣнѣ не ранѣе, какъ на Карѣ или въ Иркутскѣ, смотря по обстоятельствамъ. Въ этомъ Избицкій долженъ быть покоенъ.

Вслѣдствіе такого успокоительнаго извѣстія, сейчасъ же отправились на свиданіе въ острогъ, стоявшій на площади. Порядки я всѣ отлично зналъ. Подойдя къ ветхому, покосившемуся деревянному острогу и зная, гдѣ находятся политическіе, громко назвалъ Избицкаго. Скоро въ окнѣ показалась бѣлокурая угловатая физіономія, совершенно интеллигентная, съ небольшими русыми усиками, улыбающаяся во всю свою ширь....

— Здравствуйте!—привѣтствую физіономію, приподнимая свой картузъ.

Солдатъ, стоявшій на часахъ у окна, началъ было протестовать, но видя, что я говорю о самыхъ обыденныхъ вещахъ, успокоился.

Подлинный Избицкій, стоявшій со мной рядомъ, также принималъ участіе въ разговорахъ, но только не со своимъ двойникомъ, а съ другими товарищами. Между тѣмъ, я интересовался главнымъ образомъ двойникомъ и особенно съ внѣшней стороны. Разсмотрѣвши его довольно основательно, я нашелъ, что сходства между подлиннымъ и мнимымъ Избицкимъ не существовало никакого, даже волосы Степанова были бѣлѣе, чѣмъ у настящаго. Изъ разговоровъ я пришелъ къ заключенію, что двойникъ даже мало развитъ, въ чемъ могъ убѣдиться каждый этапный начальникъ, еслибы поговорилъ съ ними побольше. И въ такомъ случаѣ легко было бы обнаружить смѣну. Но этапнымъ начальникомъ и тюрем-

ному начальству, говорили, будто бы запрещено было вести бесѣды съ политическими преступниками изъ опасенія, чтобы революціонная пропаганда не коснулась и ихъ; да къ тому же начальство этапное и боялось ссылавшихся, особенно съ тѣхъ поръ, какъ начался политическій терроръ. Этапные начальники ужъ очень боялись побѣговъ и разныхъ столкновеній, происходившихъ всегда изъ за мелочей.

Помню, разъ приходитъ ко мнѣ капитанъ, начальникъ этапной команды, станъ котораго былъ вблизи отъ Канска, и рекомендуется мнѣ.

— Я къ вамъ по дѣлу, — сказалъ капитанъ.

Чѣмъ могу служить?

— Прежде всего, позвольте мнѣ предъ вами извиниться,— началъ капитанъ — я предъ вами виноватъ, злоупотребилъ вашимъ именемъ въ одномъ случаѣ, не будучи даже съ вами знакомъ.

— Ничего не понимаю,—сказалъ я капитану.

— Виноватъ,—продолжалъ капитанъ,—я сказалъ уже вамъ, что я—начальникъ этапной конвойной команды; по обязанностямъ своей службы мнѣ приходится имѣть дѣла съ вашими товарищами, слѣдующими этапнымъ порядкомъ. Не особенно давно у меня на этапѣ произошелъ такой случай. Пришла партія уголовныхъ, человѣкъ 300, и при ней около 10 политическихъ. Въ партіи были по большей части каторжане, народъ буйный, отчаянный, а политическіе еще того хуже. Свѣдѣнія о партіяхъ мы получаемъ другъ отъ друга, точно также и партія знаетъ каждаго изъ этапныхъ начальниковъ, начиная отъ Тюмени до Кары, потому что между каторжанами всегда встрѣчаются старые бродяги, которые всѣхъ насъ хорошо знаютъ. Отношеніе партіи къ „нашему брату“ всегда опредѣленное: въ зависимости отъ рекамендаціи „видавшихъ всякіе виды“ бродягъ. А если начальникъ этапа чѣмъ либо не понравится партіи, того и гляди не сегодня-завтра непремѣнно устроятъ „пакость,“ да еще какую, только руками разведешь.

Съ партіей, о которой я сказалъ, у меня вышло маленькое столкновеніе, или вѣрнѣе непріятность.

Послѣ повѣрки, какъ полагается по инструкціи, я приказалъ запереть на замокъ камеру политическихъ. Послѣдовалъ энергичный протестъ. Явился къ нимъ я самъ и начинаю уговаривать, толку никакого. Возбужденно ругаются, чуть на стѣну не лѣзутъ. Позвалъ 5 солдатъ съ ружьями. Но какъ только „политики“ увидѣли ихъ въ своей камерѣ, совсѣмъ потеряли разсудокъ, схватили доски въ руки и уже

готовы были вступить въ отчаянный бой съ конвойными. Слыша крикъ и ревъ политическихъ, и уголовные зашумѣли. Неожиданно является староста уголовныхъ и проситъ вызвать меня чрезъ конвойныхъ въ корридоръ. Вышелъ.

— Что тебѣ надо, Иванъ,—спрашиваю его.

— Ваше благородіе! Мнѣ партія приказала передать вамъ: ежели вы, ваше благородіе, запрете, значитъ, ихъ, мы тогды вашъ эфтотъ этапъ спалимъ; краснаго пѣтушка, значитъ, пропустимъ; а коли ежели вы съ нами и съ ними, ежели миркомъ да ладкомъ утихомиритесь, мы только попросимъ вашего позволенія съ вашей милости выкупъ—два ведерка майданщику водки купить; съ устатку, значитъ, выпить по стакашку; а коли ежели кто выпимши на тощее-то брюхо, охмѣлѣетъ, того, не безпокойтесь, сократить сможемъ, и все будетъ благополучно.

— Иди,—говорю,—Иванъ, отвѣтъ послѣ скажу.

Положеніе мое въ ту минуту было довольно щекотливымъ.

— Исполнить инструкцію,—разсуждалъ я,—значитъ получить непріятность. Пустятъ они краснаго пѣтуха, и я съ 40 конвойными солдатами, плохо дисциплинированными, ничего не сдѣлаю съ каторжанами; разнесутъ всѣхъ и вся и разбѣгутся.

Наконецъ, опять пошелъ къ политическимъ уговаривать, чтобы подчинились инструкціи. Долго съ ними говорилъ. Во время разговора я нечаянно упомянулъ вашу фамилію:

— Вотъ Овчинниковъ такъ не сдѣлалъ бы того, что вы, господа, устраиваете.

Между ними оказался одинъ вашъ старый знакомый, пересылавшійся изъ Олонецкой губ., Смирновъ.

— Ошибаетесь, г. офицеръ,—рѣзко замѣтилъ мнѣ Смирновъ.—Я Овчинникова хорошо знаю и увѣренъ, что онъ сдѣлалъ бы еще гораздо хуже. А собственно вы близко знаете Михаила Павловича?

— Да. Каждый разъ я вижусь съ нимъ, когда бываю въ Канскѣ,—солгалъ я.

— Дальше пошло слово за слово о васъ и другихъ политическихъ ссыльныхъ. Я охотно разсказывалъ обо всѣхъ, кого зналъ. Вскорѣ нашъ разговоръ принялъ вполнѣ мирный тонъ и дѣло кончилось благополучно. Камеры политическихъ на ночь я не заперъ, а уголовной шпанѣ разрѣшилъ купить 2 ведра водки. Всѣ какъ будто остались довольны.

А теперь я пришелъ къ вамъ съ просьбой. Мнѣ извѣстно, что вы постоянно встрѣчаете и провожаете каждую партію политическихъ и что на васъ въ полиціи имѣется много

жалобъ по этому поводу. Не замолвите ли передъ партіями, чтобы онѣ не трогали меня и избавили отъ всякихъ непріятностей.

— Напрасно вы придаете мнѣ такое значеніе. Оно вѣрно, что я встрѣчаю партіи, могу даже имъ и сказать про васъ; но согласитесь, что незнакомые люди не всегда могутъ повѣрить мнѣ. Да, собственно говоря, все дѣло то заключается въ васъ самихъ. Если желаете, чтобы съ вами хорошо обходились партійные, будьте съ ними помягче, не придерживайтесь буквы извѣстныхъ вамъ инструкцій. Имѣйте въ виду не инструкціи создаютъ жизнь, а жизнь — инструкціи; жестокость всегда вызываетъ озлобленіе и месть. Не высѣки генералъ Треповъ розгами Боголюбова, не раздался бы выстрѣлъ Вѣры Засуличъ.

— Выходитъ, что вы совѣтуете мнѣ обходить законъ, — возразилъ капитанъ.

Да, совѣтую.

— Но вѣдь за это я могу попасть подъ судъ.

— Скажите мнѣ, капитанъ, по совѣсти: ужели вы всегда и въ полномъ объемѣ исполняете всѣ законы и циркулярныя предписанія? Полноте, это невозможно; и если бы отдавать подъ судъ всѣхъ, не въ точности исполняющихъ законъ, тогда пришлось бы отдать подъ судъ всю Россію. Законъ имѣетъ въ виду упорядоченіе жизни, и если вы, не исполняя буквы закона, въ то же время не будете нарушать нормальнаго теченія жизни, даже будете способствовать движенію ея впередъ, то вы съ общечеловѣческой точки зрѣнія будете идеальный законникъ.

Прошло семь лѣтъ послѣ этой встрѣчи съ капитаномъ. За это время я бѣжалъ въ Россію, былъ тамъ арестованъ и вновь направленъ въ Сибирь, но только не въ Канскъ, а въ Якутскъ. Пришлось опять мѣрять Владимирку отъ Петербурга до Якутска.

Судьбѣ угодно было, чтобы на одномъ изъ этаповъ я встрѣтился со своимъ протеже — капитаномъ. При провѣркѣ партіи капитанъ очень долго и вопросительно смотрѣлъ на меня; очевидно, онъ силился припомнить знакомое лицо. Наконецъ, онъ близко подошелъ ко мнѣ и сказалъ:

— Неужели это вы?

— Все я же и никто другой.

Насъ помѣстили въ маленькую камеру этапа, но не заперли, хотя между нами были каторжане.

Я вышелъ на дворъ.

— Капитанъ васъ зоветъ, — вдругъ раздался окрикъ надъ моимъ ухомъ. — Вонъ туда идите.

— Пожалуйте, пожалуйте,—сказалъ мнѣ капитанъ, указывая на мѣсто, гдѣ я могъ сѣсть.—Чайку позволите?

— Спасибо

— Знаете, я бы васъ къ себѣ помѣстилъ ночевать, но боюсь доноса. На меня вѣдь цѣлый ворохъ былъ доносовъ за послабленія политическимъ; помните, съ тѣхъ поръ, какъ я съ вами говорилъ въ Канскѣ...

Черезъ день мы отправились на слѣдующій этапъ и, къ моему величайшему удивленію, партію въ 300 слишкомъ человѣкъ сопровождало только 10 конвойныхъ Одинъ шелъ впереди, одинъ въ хвостѣ и по 4 чел. по бокамъ; слѣдовательно, разбить такой конвой, если бы партія пожелала, всегда было можно. Но шпана хорошихъ этапныхъ сама оберегала и никогда не согласилась бы подвести этапнаго начальника, разрѣшившаго къ тому же майданщику купить ведерко водки. Капитанъ по традиціи разрѣшилъ и нашей партіи такое удовольствіе.

Изъ г. Нижнеудинска я шелъ одинъ съ той же партіей, такъ какъ мои спутники захотѣли отдохнуть, а потому остались въ городѣ на недѣлю.

На 3-мъ или на 4-мъ этапѣ отъ Нижнеудинска двое каторжанъ бѣжали и, кажется, безслѣдно изчезли.

Арестанты же ликовали:

— Такъ и надо собакѣ—этапному.

Староста арестантовъ за побѣгъ каторжанъ получилъ порцію березовой каши. Это былъ обычай...

Но я уклонился въ сторону отъ разсказа. Теперь перехожу къ дальнѣйшей дѣятельности Избицкаго въ г. Канскѣ.

(Окончаніе будетъ).

М. Овчинниковъ.

Письма въ редакцію.

Милостивый Государь,
Господинъ Редакторъ!

Въ № 4 издаваемаго Вами Журнала напечатано возраженіе на мою небольшую статью „Современный Якутскъ", принадлежащее перу моего товарища по этому журналу г. Попова. Конечно, amicus Aristoteles, amicus Plato, sed magis amica veritas,—скажу я и добавлю, что нельзя пенять на зеркало, и вотъ почему.

Какъ Вы припоминаете, статья моя была озаглавлена не „Современный Якутскъ", а „Областной городъ Якутскъ".

Затѣмъ, насчетъ того, изъ какого матеріала состоитъ почва этого города, я, какъ незнакомый съ геологіей, но пораженный въ то же время тѣми грудами земли, которыя приходится иной разъ встрѣчать посреди̇ улицъ города Якутска и которыя затѣмъ безслѣдно исчезаютъ въ полотнѣ этихъ улицъ, я, повторяю, не могъ не высказать предположенія (повидимому, сказано у меня въ статьѣ) о когда-то бывшемъ здѣсь болотѣ, трясинѣ. Кромѣ того, въ нѣкоторыхъ дворахъ я встрѣчалъ весной болотистую почву.

Объ улицахъ я выразился, что многія кривыя, и опять таки вотъ почему.

Въ Якутскѣ я жилъ два раза: въ первый разъ съ февраля 1911 года по 15 іюня 1911 года и во второй разъ съ января 1912 года по конецъ февраля 1912 года.

Въ первый разъ проживанія я былъ прикомандированъ къ городской больницѣ, находящейся на одномъ концѣ города, а жилъ я самъ на противоположномъ концѣ города (на Логовой улицѣ), такъ что мнѣ приходилось самую лучшую улицу города Якутска, а именно Большую, проѣзжать ежедневно изъ конца въ конецъ и вообще приходилось часто ѣздить и по другимъ улицамъ, и не могъ я, разумѣется, не замѣтить, что какъ Большая, такъ и Правленская, и Николопреображенская, и Полковая, и Готовская и Казар-

менская улицы не прямыя, а съ искривленіями, подтвержденіемъ чему служитъ прилагаемый планъ города Якутска, изъ котораго ясно видно, насколько съ искривленіями эти улицы.*)

Планъ этотъ прошу мнѣ возвратить. Насчетъ далѣе неприхотливости туземныхъ лошадей, не требующихъ за собой, по словамъ г. Попова, совершенно никакого ухода, могу сказать, не вдаваясь въ дальніе разговоры, что гастрономы часто удостовѣряютъ, что, напримѣръ, карась любитъ жариться въ сметанѣ.

Что въ дѣлѣ заготовки льда играютъ главную роль совсѣмъ негигіеническія соображенія, что въ чемъ, въ чемъ, заподозрѣть, а якутскаго обывателя въ стремленіи къ гигіенѣ было-бы положительной клеветой на него,—это подтверждается всѣмъ укладомъ якутской жизни, лучшей иллюстраціей которой служитъ брошюра врача Н. А. Попова. „Якуты, ихъ образъ жизни, привычки“.

Съ дѣломъ заготовки льда мнѣ приходилось встрѣчаться не только въ городѣ Якутскѣ и въ округѣ его, но и въ Олекминскомъ и Вилюйскомъ округахъ; въ послѣднемъ вѣдь нѣтъ рѣки Лены, а течетъ рѣка Вилюй.

Мнѣ, напримѣръ, когда я служилъ участковымъ врачемъ въ городѣ Олекминскѣ, сравнительно менѣе объякутившемся, чѣмъ областной городъ, стоило большихъ усилій, чтобы платный больничный водовозъ, получавшій десять рублей за доставку воды въ мѣсяцъ съ лечебницы, не сталъ бы награждать отъ поры до времени льдомъ, котораго онъ могъ бы навозить сразу нѣсколько возовъ и свалить куда-нибудь въ уголъ, воду же нужно было доставлять ежедневно.

Чтобы прекратить, наконецъ, стремленіе водовоза снабжать меня льдомъ вмѣсто воды, я долженъ былъ пригрозить ему отказомъ.

Если бы якутскій обыватель заготовлялъ ледъ только на общія хозяйственныя нужды и на періодъ плохой воды и тотчасъ же бы складывалъ его въ погребъ, то тогда я бы и не сталъ вовсе упоминать объ этомъ, какъ объ явленіи, присущемъ всякому поселенію. Единичные случаи сохраненія льда бываютъ только у крупныхъ торговыхъ фирмъ, да у кого нибудь изъ обывателей, окончательно не объякутившихся. Товарищъ мой по журналу г. Поповъ голословно отрицаетъ то, что я видѣлъ и наблюдалъ не въ одномъ только областномъ городѣ, но и въ другихъ поселеніяхъ этой области,

*) На присланномъ планѣ искривленія улицъ замѣтны. *Ред.*

гдѣ мнѣ приходилось служить и пререкаться насчетъ доставки мнѣ льду вмѣсто воды.

Ничего я тутъ страннаго не видѣлъ и не находилъ въ способѣ заготовки льда какихъ-либо разумныхъ основаній, а видѣлъ лишь проявленіе лѣни, свойственной вообще якутскому обывателю.

Еще во времена путешественника Врангеля якутскій обыватель настолько одичалъ, что на званыхъ вечерахъ путешественнику этому приходилось слушать разговоры не на русскомъ языкѣ, а на нарѣчіи дикарей — якутовъ, и удивляться этому.

Такъ если этотъ обыватель „интеллигентъ", приглашавшій къ себѣ на обѣды и вечера извѣстнаго путешественника, велъ бесѣду свою на якутскомъ нарѣчіи, то неужели же можно допустить, что онъ только въ этомъ отношеніи унизился до некультурнаго человѣка?

Если онъ унизился до того, что сталъ предпочитать свой родной языкъ нарѣчію дикарей, то ясно, что онъ не въ одномъ этомъ унизился, а во всемъ, и прежде всего въ томъ, что вело къ сокращенію труда въ ущербъ дѣлу: пользовался онъ, напримѣръ, когда то сапогами въ теплое время года, желѣзными издѣліями для домашняго обихода, но пріобрѣтеніе всего этого требовало значительнаго труда, тогда какъ пользованіе никуда негодными торбазами и чирками изъ коровьей кожи, берестяной посудой обходилось куда дешевле; ну, а разницу, извѣстно, куда русскій человѣкъ имѣлъ обыкновеніе пристраивать.

Затѣмъ, эта ужасающая неопрятность во всемъ, а въ домашнемъ обиходѣ въ особенности!

Приходилось иной разъ бывать въ квартирахъ, населенныхъ уже обрусѣвшими якутами и объякутившимися русскими, такъ по грязи это было нѣчто невѣроятное даже для какой нибудь захудалой, захолустной сибирской деревушки и я категорически отказывался при такихъ условіяхъ отъ леченія больныхъ на дому, рекомендуя обращаться въ больницу.

Насчетъ обиднаго для мѣстной интеллигенціи предположенія могу сказать вотъ что: когда мнѣ передавали, что одинъ крупный чинъ „областнухи" отдавалъ одно время своего малолѣтняго сына на воспитаніе въ Марху, скопческое селеніе, отстоящее въ десяти верстахъ отъ Якутска, то я изумился, конечно, этому и выразилъ сомнѣніе.

Тогда мнѣ возразили, что ранѣе это было обычнымъ явленіемъ, и указали, какъ послѣдній примѣръ, который еще

у всѣхъ на памяти, на крупнаго торговца А., который былъ до девяти лѣтъ на воспитаніи у якутовъ.

Наконецъ, въ моей замѣткѣ объ Якутскѣ мелочей, какъ пишетъ въ заключеніе г. Поповъ, нѣтъ: тамъ задѣты всѣ существенные недостатки Якутска, начиная съ администраціи, обывателя и кончая городскими финансами и вопіющими нуждами области

Недостатки любить нельзя, а надо стараться объ устраненіи ихъ и, разумѣется, не платонически, за тысячи верстъ, разъ они констатированы, и тѣмъ болѣе не давать имъ благожелательнаго толкованія, которое вѣдь не отрицаетъ, не уничтожаетъ существованія ихъ, а лишь старается совершенно напрасно скрасить неприглядность ихъ.

Служебный недосугъ помѣшалъ мнѣ во время отвѣтить на статью г. Попова.

г. Томскъ.
7 апрѣля 1913 г.

Врачъ **А. М. Серебренниковъ.**

О сибирской и ино-сибирской интеллигенціи.

Милостивый Государь,
Господинъ Редакторъ!

На столбцахъ «Сибирской Жизни» и «Сибирскихъ Вѣстей» возникъ крайне интересный и для насъ, какъ опредѣленной общественной группы, «обмѣнъ мнѣній» (если это понятіе примѣнимо въ томъ случаѣ, когда одинъ скажетъ, а другой подхватитъ и заблаговѣститъ) между г-дами Г. И. Потанинымъ и Irridens'омъ – о роли и взаимоотношеніяхъ интеллигенціи сибирской коренной, и ино-сибирской, временной, случайной, – пришельцами.

Не имѣя въ настоящее время въ Иркутскѣ своего или хотя-бы родственнаго печатнаго органа, я надѣялся, что редакція «Сибирскихъ Вѣстей» дастъ мнѣ возможность возразить по кровному для насъ вопросу на писанія ея сотрудника— подъ рубрикой «Письма въ редакцію», какъ помѣщаются обычно возраженія, поправки и т. д. заинтересованныхъ сторонъ. Одна заинтересованная сторона — говорилъ я — уже высказалась,— позвольте же и намъ, какъ другой заинтере-

сованной сторонѣ, вынужденной молча выслушивать не только ярыя нападки стариковъ, но и добрыя благоглупости молодыхъ «патріотовъ», — что гораздо горше, - сказать *въ этомъ спорѣ о насъ наше слово* — въ сущности, послѣднее слово обвиняемыхъ, ибо г-да Потанинъ и Irridens насъ судятъ и намъ, пришельцамъ, уже вынесли свои приговора: одинъ — сурово-карательный, а другой — снисходительно-мягкій, оправдывающій.

Но, за отказомъ въ помѣщеніи письма со стороны редакціи «Сибирскихъ Вѣстей», я вынужденъ, милостивый государь, искать справедливости у Васъ, какъ редактора спеціально-историческаго органа, тѣмъ болѣе, что споръ этотъ о насъ, пришельцахъ, — о вредѣ или полезности нашей для края, — рано или поздно перейдетъ въ область исторіи, и пусть тогда-то настоящее письмо мое послужитъ документомъ, гдѣ, хоть коротко и бѣгло, но, надѣюсь, достаточно выпукло и остро формулирована сущность разногласій между нами, группой «чужаковъ», и нѣкоторой частью коренной, сибирской, интеллигенціи.

Начну съ заключенія Г. Н. Потанина.

Оно — судя по выдержкамъ въ статьѣ г. Irridens'а — сводится къ слѣдующему. «Наиболѣе серьезной опасностью» для «сибирской культуры» является невольный наплывъ въ Сибирь «интеллигенціи изъ-за Урала». Г. Н. Потанинъ «подчеркиваетъ *вредоносность пришлыхъ людей для сибирскаго дѣла, онъ считаетъ чужаковъ чуть ли не разрушителями сибирской культуры*». Серьезная опасность для «сибирскаго дѣла» заключается въ томъ, что «и такъ руководителями сибирской печати являются большей частью люди пришлые, а своя, краевая интеллигенція остается пассивной къ нуждамъ своего края (въ чемъ виноваты тоже чужаки? — Н. Ч.)» и т. д., и т. д.

Выступленіе г. Потанина противъ пришельцевъ насъ очень мало удивляетъ: не первое уже это выступленіе въ данномъ смыслѣ со стороны «почетныхъ стариковъ Сибири»: еще около двухъ лѣтъ тому назадъ выступилъ съ аналогичнымъ утвержденіемъ другой почетный сибиревѣдъ — въ «Сибирскихъ Вопросахъ». «*Ликвидація освободительнаго движенія*» — писалъ этотъ авторъ (статья г. В. С. Е. въ № 26 — 27 «С. В.» за 1911 г.) — захватила и выбросила за бортъ массу самой разнокалиберной интеллигенціи. Двери чуть ли не всѣхъ поприщъ передъ нею захлопнулись, и ежедневно приходится стучаться въ единственно пріоткрытую, — идти въ газету, а при недостаткѣ мѣста создавать новыя газеты, час-

то не имѣя понятія ни о газетной техникѣ, ни о газетной морали. *Единственно - на прокормъ*». Въ дальнѣйшемъ, въ качествѣ причины паденія добрыхъ нравовъ сибирской печати, выдвигались именно эти жертвы «ликвидаціи», которыя доходятъ до того, что создаютъ даже (о, ужасъ!) новыя газеты, заботясь «единственно о прокормѣ» (вродѣ того, напр., какъ наша литературная группа «кормилась» около «Молодой» и «Новой Сибири»).

Выступленія нѣкоторыхъ почетныхъ стариковъ Сибири, господинъ редакторъ, намъ понятны, какъ и ихъ суровые приговора, свидѣтельствующіе о забвеніи ихъ авторами собственнаго прошлаго. Давно уже самыя имена наши для этихъ стариковъ, равно какъ и для многихъ наслѣдниковъ древлесибирской благодати, стали одіозными. И— что всего важнѣе—мы считаемъ этихъ гонителей нашихъ съ ихъ точки зрѣнія совершенно правыми. И вотъ почему.

Главной заслугой стариковъ является ихъ любовное отношеніе къ изученію Сибири и ея нуждамъ, наряду съ утвержденіемъ въ сибирскомъ обществѣ идеи демократизма. Заслуга эта въ прошломъ велика, и ужъ не мы, конечно, будемъ ее оспаривать. Но всякая хорошая идея отъ размѣннаго употребленія изнашивается: то же случилось и съ важными для своего времени идеями стариковъ. Лишенныя достаточно плодородной подпочвы въ видѣ окружающихъ условій, онѣ постепенно утратили въ рукахъ посредниковъ свой дѣйственный характеръ, пріобрѣтши всѣ отталкивающія черты фразеологіи. Такъ, пресловутый сибирскій «патріотизмъ» (слѣдуя за г-номъ Iitidens'омъ, ставлю это слово въ кавычки) обратился въ самодовольное сибирское «шапками закидаемъ» и въ застольное бахвальство, а не менѣе пресловутый «демократизмъ» сибирскій (кавычки уже наши)—въ тайное и явное отожествленіе интересовъ и нуждъ рабочихъ слоевъ населенія съ аппетитами сибирской буржуазіи, въ такъ называемую «сибирскую платформу». Самое отношеніе къ творцамъ «сибирской идеи» постепенно выродилось въ вредный фетишизмъ, и давно ли еще, напр., г. Гребенщиковъ въ своей газетѣ по нѣкоторому поводу писалъ: «*У Григорія Николаевича навернулись на глаза слезы и блеснули, какъ чистые бриллианты, рожденные великой радостью отца сибирскаго патріотизма*»! («Жизнь Алтая», № 232). Стоитъ, извините за выраженіе, старому и дѣйствительно почтенному патріоту гдѣ-нибудь чихнуть,—т. е., попросту, обмолвиться несоотвѣтствующей его былому достоинству тирадой,— какъ ужъ въ другомъ концѣ Сибири, глядишь, какой-нибудь

молодой и простоватый «патріотъ» говоритъ: здравствуйте! То же, наприм., и относительно г-на В. С. Е., приведенную выше въ выдержкахъ статью котораго патронируемая имъ иркутская газета рекламировала въ свое время, какъ «интересную». То же и относительно другихъ стариковъ.

Итакъ, чѣмъ же мы, пришельцы, снискали себѣ столь явную ненависть стариковъ? А тѣмъ, господинъ редакторъ, что именно мы, пришельцы, разбившіе на своемъ пути, прежде чѣмъ добраться до Сибири, много фетишей, тѣмъ энергичнѣе возстали и противъ фетишизма „патріотовъ“ Сибири. Мы дѣятельно вносили нашъ „тлетворный ядъ“—ядъ то насмѣшки, то научнаго скальпеля—въ атмосферу слѣпого поклоненія, окружавшую древле-сибирскія цѣнности. Боровшіеся противъ всякихъ абсолютовъ, мы развили все наше вліяніе въ борьбу съ двумя главнѣйшими сибирскими абсолютами—«патріотизмомъ» (типа застольнаго пустословія) и «демократизмомъ» (либерализмомъ—тожъ). Воздававшіе все должное старикамъ за ихъ былыя заслуги, мы не могли не видѣть, что былой радикализмъ ихъ то и дѣло упирается въ либеральную отрыжку или въ культурничество. Желая посильно работать для области и ежедневно осуществляя это желаніе, мы, тѣмъ не менѣе, не могли не бороться съ вредной, на нашъ взглядъ, идеей «областничества» въ политикѣ (въ тѣхъ уродливыхъ, по крайней мѣрѣ, формахъ, которыя пріобрѣла она въ упрощенномъ пониманіи молодыхъ «патріотовъ», до толковъ объ Областной Думѣ включительно): мы не обинуясь называли эту идею мелкобуржуазной утопіей. Но всего рѣшительнѣе возставали мы противъ включенія въ одинъ общія скобки интересовъ рабочихъ слоевъ населенія (включая и крестьянство, разумѣется) и интересовъ буржуазіи—и все это подъ флагомъ «обще-сибирскихъ нуждъ»!—противъ подмѣны идеи классовой борьбы идеей «общесибирскаго демократизма», какъ бы изначально, самочинно существующаго.

Теперь, мнѣ кажется, понятенъ, господинъ редакторъ, источникъ враждебнаго отношенія къ намъ стариковъ сибирскихъ: они и мы—это почти два разные міра. И правы они со своей точки зрѣнія, когда объявляютъ насъ «разрушителями» ихъ культуры и—введемъ нашъ терминъ—древле-сибирскими *иконоборцами:* ничѣмъ инымъ въ ихъ глазахъ мы представляться и не можемъ. Ясно, почему въ моментъ, когда предъ многими изъ насъ встаетъ вопросъ о юридической «приписке къ обществу», старики отказываютъ намъ въ моральной приписке: иного отношенія съ ихъ стороны мы и

не ждали, и это отношеніе мы посильно заслужили. Но мы рѣшительно не понимаемъ, ибо рѣшительно не заслужили, снисходительнаго приговора по отношенію къ намъ сотрудника «Сибирскихъ Вѣстей», г-на Irridens'a, къ разсмотрѣнію котораго, т. е. приговора, мы сейчасъ и перейдемъ.

Г-нъ Irridens задался крайне неблагодарной задачей — амнистировать насъ, чужаковъ, отъ суровости Г. Н. Потанина, но дѣлаетъ онъ это съ ловкостью и темпераментомъ защитника по назначенію: виновны, молъ, конечно, но, Григорій же Николаевичъ! всѣ люди, всѣ человѣки! можетъ, и они намъ пригодятся! Всетаки, знаете ли, *«глубоко чувствующій мѣстныя нужды пришлецъ во много разъ лучше и полезный глухого къ краевымъ интересамъ коренного сибиряка»*. Послѣдній афоризмъ, господинъ редакторъ, отнюдь не изъ Кузьмы Пруткова, а изъ статьи сотрудника «Сиб. Вѣстей», г-на Irridens'a (№ 67). Если перевести его на общепринятый языкъ, то получится: умный чужакъ всетаки лучше глупаго своякa. «Во много разъ»! Жаль только: не сказано точно—во сколько. Мы отнюдь не претендовали бы на такую трактовку нашей «полезности» для края, будь это со стороны нашего явнаго недруга. Но это, вѣдь, пишетъ человѣкъ, который предлагаетъ принимать насъ, чужаковъ, «радушно, съ распростертыми объятіями», и вотъ тутъ-то невольно хочется сказать: избави насъ, Боже, отъ такихъ друзей, а ужъ съ недругами мы столкуемся какъ-нибудь сами!

Для полноты картины, слѣдовало бы, господинъ редакторъ, коснуться вопроса о томъ, въ какой мѣрѣ обладаетъ сотрудникъ «Сиб. Вѣстей» правомъ разсматривать насъ, маленькихъ пришельцевъ, съ столь высокаго пьедестала. Но это завело бы насъ очень далеко. Поэтому ограничусь только маленькимъ замѣчаніемъ фактическаго характера. Въ то время какъ ведутся толки о нашей вредоносности или полезности для края и глубокомысленный Irridens выдаетъ намъ, чужакамъ, пріемные приговора,—*мы, чужаки, оказываемся уже давно приписанными къ обществу, которое намъ нужно и приговоръ котораго намъ единственно дорогъ. Общество это—молодая Сибирь, сибирская демократія.*

Примите увѣреніе и проч.

Н. Чужакъ.

Примѣчаніе отъ Редакціи. Настоящее письмо г. Чужака редакція «Сибирскаго Архива» помѣщаетъ по слѣдующимъ мотивамъ: 1) письмо имѣетъ историческое значеніе; 2) «Си-

бирскія Вѣсти» отказались его напечатать; 3) поднятый въ письмѣ вопросъ важенъ и весьма желательно *всестороннее* его освѣщеніе въ сибирской прессѣ. Само собою разумѣется, что фактъ помѣщенія даннаго письма не мѣшаетъ редакціи относиться съ полнымъ признаніемъ къ заслугамъ Г. Н. Потанина, которыя не отрицаются и авторомъ.

Редакторъ-Издатель **А. И. Линьковъ.**

„НАРОДНЫЙ ЖУРНАЛЪ“. Открыта подписка на 1913 годъ на еженедѣльный, иллюстриров., общедоступн. журналъ, издаваемый Т-вомъ „Общественная польза“. Годъ изд. II. 4 рубля въ годъ, 2 рубля за 1/2 года съ доставкой и пересылкой. Въ первыхъ номерахъ „Народнаго Журнала“ на 1913 г. будутъ напечатаны, между прочимъ, новые написанные для „Нар. Жур.“ разсказы: С. Я. Елпатьевскаго, В. Н. Ладыженскаго, А. Свирскаго, Н. Сурожскаго, Вл. Тана, Е. Н. Чирикова и др. Въ истекшемъ 1912 году въ „Народномъ Журналѣ“ и его приложеніяхъ были напечатаны, между прочимъ, произведенія слѣдующихъ авторовъ: А. Куприна, Е. Чирикова, С. Елпатьевскаго, Скитальца, Серафимовича, А. С. Пругавина, Гусева-Оренбургскаго, Кондурушкина, Вл. Ладыженскаго, Айзмана, Свирскаго, Осиповича, А. Рославлева, В. Брусянина, Первухина, Карменъ, С. Семенова, Н. Сурожскаго, Н. Бутошина, Влад. Карбута, Ѳ. Потѣхина, К. Дубровскаго, А. Севастьянова, Алексѣя Липецкаго, Б. Островскаго, Н. Златогорова, Мих. Вятича, А. Аксакова и много другихъ. Въ 1913 г. подписчики получатъ: 52 №№ по программѣ: бѣллетристика, поэзія, наука, культура, религія, русская и иностр. жизнь, народн. образованіе, сельское хозяйство и домоводство, кооперація, родная старина, критика, сатира и юморъ, рисунки и карикатура. 28 №№ приложеній и премій. I. Полное собраніе сочиненій Н. Г. Помяловскаго. Съ біогр. и портр. автора (8 выпусковъ). Желающіе могутъ замѣнить собр. избр. соч. Н. В. Гоголя. Лица, желающія получить и Помяловскаго и Гоголя доплачиваютъ 75 к. II. Хрестоматія по сельскому хозяйству. Сборникъ статей лучшихъ спеціалистовъ по разнымъ отраслямъ хозяйства. Со многими рисунками (12 выпусковъ) или иллюстрированная исторія искусствъ. Проф. С. Рейнака. Болѣе 600 рис. (12 выпусковъ) (Желающіе получить и Хрестоматію по сельск. хоз. и Исторію искусствъ доплачиваютъ 1 р. 25 к.). III. Новая поэзія. Сборникъ лучшихъ стихотвореній новѣйшихъ поэтовъ. Подъ редакціей В. С. Елпатьевскаго (2 выпуска). IV. 2 обзора новыхъ книгъ и журналовъ. При ближайшемъ участіи А. В. Мезьеръ. V. 6 стѣнныхъ портретовъ извѣстныхъ русскихъ писателей: 1) Некрасова. 2) Надсона. 3) Глѣба Успенскаго. 4) Чехова. 5) Короленко. 6) Горькаго. VI. Народный календарь на 1913 годъ (Болѣе 250 стр. со многр. рис.) VII. Отрывной календарь на 1913 г. съ 365 рис. Сверхъ того годовые подписчики получатъ художественную премію: VIII. Девятый валъ. Роскошная картина въ краскахъ знаменит. художн. Айвазовскаго, исполн. въ лучшихъ въ Россіи худож. мастер. Голике и Вильборгъ. Подписка принимается во всѣхъ почт.-тел. учрежденіяхъ Россіи и въ главн. конторѣ „Народнаго Журнала“ Петербургъ, Б. Подъяческая, 39, соб. домъ. Пробный № высылается за 5-ти-коп. марку. Перемѣна адреса стоитъ 20 коп.